

Катерина
Шпиллер
«Кошмар
одного детства»

Дарка,
не пиши!

За это произведение — отдельная благодарность. Так и хочется добавить в название: «Методическое пособие для желающих уничтожить своих детей. Уголовно не наказуемо».

Вы просто дура! Не позорьтесь на весь свет! Стертые ноги, ужасное пианино, нерешенные задачки — это трагедия?! И это в те времена, когда половина родителей сидела по лагерям!!! Не смешите людей!!!!!!

Катерина Шпиллер

Дочка, не пиши!

«АСТ»

2011

Шпиллер К.

Дочка, не пиши! / К. Шпиллер — «АСТ», 2011

История Катерины Шпиллер уже вышла за рамки отдельной семьи. Началась война. Эта книга о том, что бывает, когда человек узнает о себе правду. Многочисленные «родственники» Катерины захотели восстановить то, что они считали справедливостью. Но стоит ли выносить на публику то, что творится за дверями квартиры? Одно можно сказать с уверенностью: родственники самое большое зло, которое дается нам, видимо, в наказание за грехи... Почитайте, это про всех нас!

© Шпиллер К., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	8
Что-то происходит...	8
Каркают первые ласточки	10
«Шмоточки»	12
Правила игры	16
Дурость	23
Поклонники писательницы	31
Моральное насилие? Не морочьте голову!	39
Невидимые миру слезы	42
Марина	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Катерина Шпиллер

Дочка, не пиши!

Хочется сразу предупредить всех: если вы не осилили мою автобиографическую книгу «Мама, не читай!», вы, наверное, не сможете понять, о чем будет рассказано здесь. Сначала необходимо прочитать тот текст и только потом браться за этот. В противном случае вам вряд ли будет интересно.

Предисловие

– А вы – сильный человек, – сказала мне мой лечащий врач.
– Да что вы? – вскинулась я. – Я совершеннейшая тряпка.
– Нет, – покачала головой доктор. – Уверяю вас, и поверьте моему опыту: очень немногие люди с вашей болезнью выдержали бы все, что перенесли вы, и смогли бы выжить после этих событий... Такое серьезное заболевание, как у вас, как правило, ломает человека окончательно, и очень часто он просто уходит.

– Куда?

– Из жизни, – просто ответила врач.

– Вы хотите сказать, что я сильная, потому что еще жива?

– Скорей наоборот: вы живы, потому что вы сильная.

После этого разговора я впервые в жизни стала подозревать в себе хоть какую-то силу воли. Я все еще не верила, но робкая надежда на это качество, всегда казавшееся чужим, принадлежащим совсем другим людям, вдруг поселилась в моей душе.

Взять судьбу в свои руки. Не быть жертвой. Уметь постоять за себя и близких, дать отпор тем, кто мешает тебе жить, не прощать подлости и предательства, уметь давать сдачи. Такие, казалось бы, простые, всем известные правила жизни я до сорока лет не относила к себе. С детства была тряпкой со всеми. Исключением был один-единственный человек – первый муж, у которого воли было еще меньше, чем у меня.

Я была покорной, раздавленной близкими людьми девочкой-девушкой-женщиной, с психологией убогой жертвы, слабой и не достойной ничего хорошего в этой жизни. Поэтому я не любила себя, не любила жизнь, но зато очень любила своих палачей – моих родителей. И вот какая штука: стоило этой любви умереть, а умерла она, потому что ее убили, уничтожили сами объекты этой любви, как у меня появились и сила, и достоинство, и самоуважение, и желание жить.

Когда перейдены все Рубиконы, все возможные границы, преодолены существовавшие барьеры, не выдерживает никакая любовь. И тогда наступает прозрение, вспоминается целая жизнь, а ее события переоцениваются и переосмысливаются. Начинается Vita Nuova, но не как у Данте в светлых, чистых образах, а с приземленно-реалистичным взглядом на суть событий и характеров. Новая жизнь полностью перечеркнула прежнюю, став ее противоположностью. Эти две половины абсолютно полярны, они не могут сосуществовать, одна не является продолжением другой. Одна стала отрицанием другой. Именно поэтому жить так, как я живу сегодня, т. е. с открытыми глазами и очищенной душой, и при этом принимать прошлую жизнь и не сводить с ней счеты невозможно.

Новая жизнь потребовала от меня тщательного подведения итогов прежней, ее ревизии и сжигания на костре застывших заблуждений, лицемерия, принимаемого за мораль, холодного равнодушия, казавшегося приязнью, ненависти, подававшейся как любовь. Это было мое внут-

реннее аутодафе. Но без этого Новая жизнь не могла начаться. Без этого даже мой организм не мог окончательно справиться с болезнью. Овладело ли мной мстительное чувство, когда я начала писать свою автобиографическую книгу? Нет! Это было бы самое глупое и примитивное объяснение моих чувств и устремлений. Нет, не месть. Аутодафе во имя Новой жизни, во имя моих любимых людей, с которыми я хочу и обязана жить долго и счастливо. Я разожгла в себе костер – написала обо всем пережитом, сказала правду и донесла ее до всех, кому это интересно.

Бросить курить мне, очевидно, в ближайшее время не суждено. Почему? Потому что, как это ни странно, именно в тот момент, когда я выхожу на балкон, сажусь в кресло, прикуриваю и начинаю сей вредный для здоровья процесс, любуюсь синей гладью моря и самым красивым в мире предзакатным небом, переливающимся сразу пятью цветами, солнцем-апельсином, торопливо, так по-южному катящимся прямо в море, ко мне в голову приходят самые интересные мысли, которые я, загасив сигарету, бегу записывать, чтобы они не успели исчезнуть, подобно тому апельсину, за пять минут утонувшему в море. Странно, я ведь отчетливо ощущаю, как от никотина сжимаются сосуды в голове, а порой мне вообще дурнеет... А вот поди ж ты – при всем этом идет весьма успешный мыслительный процесс. Ну, как это понять? С одной стороны – ужасно вредно, с другой – обалденно полезно. Ведь размышления – интеллектуальный фундамент человека разумного, по крайней мере, претендующего быть sapiens.

Есть еще нечто, парадоксальным образом стимулирующее мое серое вещество. Это езда на машине в одиночестве. Вот просто так кататься по отличным дорогам Израиля и, безукоризненно соблюдая правила дорожного движения и ни в коем случае не отвлекаясь от дороги, думать, думать, думать... Как это получается? Почему? Каким образом руль, педали и зеркала могут способствовать усиленному мыслетворчеству, а не отвлекать?

Накатавшись, я загоняю машину в гараж и бегу к компьютеру, чтобы писать и читать. Записывать свои мысли и читать почту и интернетовские форумы, где уже больше чем полгода публика обсуждает мою книгу «Мама, не читай!» и заодно меня саму. Оказывается, многих хлебом не корми, а дай повод влезть в чужую жизнь и обругать на этой вроде бы запретной территории все, что только можно: поступки человека, его мысли и чувства, его образ жизни, понятия и мировоззрение и даже его боль. Для меня такое поведение – загадка, я никак не могу представить психологию подобных людей. А уж публичная оценка поступков реального человека, его осуждение и шельмование, на мой взгляд, нечто запредельное. Но люди настолько не похожи друг на друга, будто они живут на разных планетах, несмотря на формальную прописку человечества на Земле. И понять друг друга «инопланетянам», даже говорящим на одном, к примеру русском, языке, бывает ничуть не легче, чем дикарю из племени тумба-юмба и активистке феминистского движения. Да и нужно ли?

Вспоминаю рассуждения своей матери, которые еще в детстве произвели на меня огромное впечатление: «Нужно строить вокруг себя заборчик, такую загородку собственной жизни и не впускать туда ничего лишнего и никого, кто тебе не нужен и чужд». Правильные вообще-то были рассуждения. Другое дело, что, когда я пыталась воспользоваться мудростью матери, она сама же изо всех сил, безжалостно ломала все мои «постройки» и оставляла абсолютно открытой для злобы, агрессии и «лихих людей», беззащитной и досягаемой. И я разучилась строить «заборчики». Зато привыкла рыть окопы, в которых можно спрятаться, согнувшись в три погибели, как при артобстреле.

В своей новой жизни я умею защищаться, не сгибаясь пополам и не распластываясь на земле, а просто не подпуская к себе тех, кто хочет меня уничтожить, раздавить и наказать без вины лишь потому, что я им не нравлюсь. На моем «заборчике» колючая проволока под электрическим напряжением в тысячу вольт. Попробуйте залезть! Мало не покажется.

Впрочем, что-то я ударились в теорию, пора вернуться к конкретной истории. Тогда, в самом начале я (еще? уже?) не курила. То есть давно бросила и не собиралась начинать.

Итак, в январе 2010 года моя книга была опубликована в Интернете. Эффект превзошел все мои ожидания, а общественная значимость темы, которую я подняла как чисто личную, привел к популярности моей персоны. Я к такому не стремилась, это произошло помимо моей воли. После этого началась моя Новая жизнь, которая ко мне благосклонна и великодушна. К старому возврата больше нет, как писал поэт, да и было бы глупо.

До моих бывших близких текст книги дошел недели через три. Думаю, они были в шоке – как это я впервые в жизни осмелилась открыто ответить на публичные пинки и зуботычины! Но урок им оказался не впрок, действовать они продолжали по инерции в свойственной им манере, т. е. лгать и лицемерить. Заранее проиграв, они вновь объявили мне войну, чем еще раз доказали свою интеллектуальную несостоятельность. Задумайся они хоть немного, и им стало бы ясно, что их война была ими проиграна в тот момент, когда я только начала писать «Маму». Но они выбрали безнадежные сражения. Все их последующие действия были позорны и смехотворны. После их «кавалерийской» атаки мне вновь пришлось «браться за оружие», но теперь уже для того, чтобы заткнуть рот «врагу» окончательно. Я не стала бы этого делать, если бы не их неумное желание опять и снова меня «победить». Книга, которую вы сейчас читаете, результат «последней битвы».

Часть первая

Что-то происходит...

Прошло всего полгода после публикации в Интернете моей книги «Мама, не читай!». Я писала частную исповедь, отвечала на нанесенные мне публичные болезненные удары, клевету и откровенную злобную ложь, а книга, к моему великому удивлению, оказалась первой ласточкой в разговоре на общественно важную тему – об обоженных родительской нелюбовью детях. Вот почему до сих пор не утихают в виртуальной Сети ожесточенные споры сторонников и противников моего откровения. Вот почему мой мир поделился с недавних пор на мучителей в компании с их сторонниками и жертв этих мучителей, которые благодаря моей книге (о, неземная радость от собственной нужности!) впервые решили изменить свою жизнь, вдохновившись моим примером.

А начиналось все совсем не радужно. Самые первые отклики на мою книгу были ругательно-ханжескими и очень-очень агрессивными. Но по порядку...

Книга уже была написана, а я все металась: что с ней делать? Отправила в несколько издательств, откуда, естественно, не было ни ответа ни привета. Это нормально. Подобный электронный «самотек» в девяти случаях из десяти везде тут же отправляют в виртуальное мусорное ведро. Я попала в эту «девятку». Сказать, что я сильно удивилась? Нет. К тому же я все еще не была уверена, что хочу публикации книги. И даже если бы тогда пришел откуда-нибудь положительный ответ, я не убеждена, что тут же дала бы согласие на издание. Я ждала, все еще надеясь на какие-то телодвижения со стороны родни – не дружеские, наверное, но... неравнодушные, что ли... Наивная, глупая надежда! Но она жила во мне очень долго...

А родня тем временем продолжала свои отнюдь не дружественные акции, бросая камни в меня, обижая мою дочь и оскорбляя моего мужа. Последней каплей, которая на самом деле переполнила чашу моего терпения и окончательно смыла остатки глупой надежды, оказалась заметка одной некогда знакомой журналистки О.Б. в «Живом журнале» – ЖЖ (кто не знает, это такой дневниковый сайт в Интернете). Эта совершенно случайная находка окончательно вывела меня из себя. О.Б., дама преклонного возраста, в котором естественно заботиться о душе, а не разносить сплетни, сообщила всему свету, что я – негодяйка, поскольку так меня охарактеризовала Галина Щербакова, и в подтверждение этого ляпнула отвратительную ложь. Понимая, что источником лживой информации является моя мать, а автор дневника только повторила ее, я попыталась вразумить бывшую журналистку, написав ей о недопустимости распространения оскорбительной информации, полученной от одной из сторон семейного конфликта. О.Б. не захотела считаться с моим достоинством и оставила ложь в открытом доступе. Вскоре выяснились мотивы ее поведения, отнюдь не бескорыстные, но об этом (и о самой даме) несколько позже.

А тогда я окончательно поняла, что мою исповедь надо публиковать.

Итак, январь, 25 число. Я совершенно не знаю, где и как в Интернете размещают свои произведения начинающие писатели и графоманы, а потому тупо задаю в строке поиска: «литературные сайты». Google¹ любезно выкладывает всю имеющуюся у него информацию. И я, не особенно разбираясь, что там и как, но убедившись, что именно на этих сайтах публикуют свои

¹ «Гугл» – поисковый сайт (google.com)

труды и тусуются все те, кто решил, что умеет писать, развешиваю на них «Маму»... Развешиваю и успокаиваюсь в расчете услышать «эхо» не так уж скоро.

Это был конец истории моей жизни до «Мамы».

26 января день начинался, как обычно. Наша израильская зима – это слегка прохладное московское лето. Солнце все равно горячее и шпарит с утра до вечера. Позавтракав и обсудив предстоящие дела с мужем, я безо всяких предчувствий включила Интернет, чтобы посмотреть последние новости... О-па! Оказывается, к моей книге уже проявлен интерес. Есть в Рунете (это русскоязычная часть Всемирной паутины) самый главный графоманский сайт под названием «Самиздат» (СИ). Вот там и появились первые отклики на мою книгу. Сначала я даже не поняла, что авторам комментариев (как их там называют, «коммов») можно отвечать, и долго изучала все кнопки, чтобы понять, как это делается.

С этого дня и началась новейшая история моей жизни. Или, если хотите, биография, часть вторая. Вроде бы всего полгода, шесть месяцев, но каких! Такие месяцы порой стоят всей жизни. Так что же произошло со мной в этот короткий период?

Каркают первые ласточки

Напоминаю краткое содержание первой части моей жизни, описанной в книге «Мама, не читай!». Я росла в семье, состоящей из моих родителей и старшего брата по матери. В результате большой нелюбви ко мне со стороны матери и безучастного безразличия отца, а также развратных действий брата я с детства подхватила очень прилипчивую болезнь под названием хроническая депрессия. Болезнь дала осложнения в виде сломленной воли и разрушенной личной жизни. В качестве иллюстрации многолетнего тягостного состояния я поместила в книгу свой реальный дневник, который вела в периоды усиления болезни. Я постаралась показать, как простая нелюбовь родителей к собственному ребенку может погубить его, растоптать его личность, загнать в тяжелую и плохо поддающуюся лечению болезнь и довести до суицида. Такая вот «веселенькая» история на фоне вселенского лицемерия матери. Кое-кого книга, однако, сильно разозлила, в чем я не преминула убедиться уже на следующий день после публикации. Волнуясь, можно сказать, трепеща (скоро эти чувства притупятся, а потом уйдут совсем, невозможно их испытывать каждый день и каждый час – а именно с такой частотой стали появляться новые комментарии к моей книге), я прочитала первые мнения читателей. Здесь и далее я буду цитировать комментарии к книге на сайте СИ (www.zhurnal.lib.ru). Я буду по возможности приводить тексты комментариев в исправленном виде, т. е. без многочисленных орфографических и синтаксических ошибок.

Азиат (ник изменен, так как сей гражданин ко всем своим многочисленным «достоинствам» еще и пишет, читать его сочинения нормальному человеку невозможно, потому и не хочу его рекламировать – из уважения к своему читателю):

Обязательно надо вывешивать семейное грязное белье на всеобщее обозрение? Еще все скелеты из шкафа вытащить осталось и все детские обиды, и подростковые комплексы. Ну, для того, чтобы все обсосали. А имя еще одной злобной твари, вылившей грязь на собственную старую мать, – Екатерина Шпиллер!!!

Злой гений:

Человек, который выбирает себе одежду в лондонских и парижских магазинах, занят тем, что проклинает свою раннюю юность, поминутно тыкая читателю в нос тем, что пьет вино в Риме, а ужинает в Венеции. Читать мерзко.

«Зачем он мучил себя, ежеминутно терпя от меня тычки в нос по поводу Рима и Венеции? – подумала я. – Жаль, правда, что я еще не была в Венеции и поэтому о ней не писала, но это так, мелочи. Главное, что в нос от меня он уже получил. Пустячок, а приятно!»

А еще меня стал мучить вопрос: что же это за «25-й кадр» у меня там в книге? Ведь я написала всего пару абзацев про Италию, максимум пару страничек про поездки вообще... Видно, глубоко запрятаны тайны литературного творчества. (Господи, творчество... Это я о себе?)

Надо все-таки посмотреть, что же это за сайт СИ. Оказалось, что в основном на нем пасутся графоманы-фэнтезийщики, т. е. пишущие в стиле фэнтези. Я, мягко скажем, не поклонница данного жанра. А после того как зашла на странички многих из «писателей», от слова «фэнтези» у меня, видимо, теперь до конца жизни будет выступать сыпь. А уж количество того, что они выдают на-гора в качестве своей работы, может повергнуть в шок любого человека, хоть капельку интересующегося литературой. Чтобы дать представление об этом увлечении взрослых тетей и дядей, приведу всего лишь несколько первых попавшихся под руку заголовков этих сочинений: «Когда сила в твоей крови», «Магия крови», «Мечь чародея»,

«Повелительница Тьмы», «Страна Алого Креста», «Предтечи Зверя», «Корпорация монстров» и т. д. и т. п. А уж сами тексты... Такое впечатление, что эти люди никогда не учились в школе, не бывали на уроках литературы, получали сплошные двойки по русскому языку, но с какого-то перепуга решили, что могут писать. Диагноз, увы, один-единственный и точный: графомания в тяжелой форме.

Теоретически, конечно, среди них может случайно затесаться и способный человек, ведь авторов там тысячи. Однако найти его не более вероятно, чем сорвать джекпот в лотерее. В этом графоманском сообществе сложились свои правила общения и поведения. Интерес к их «нетленкам» зафиксирован бесстрастным компьютером как исключительно взаимный. Поэтому старожилы сайта ревностно следят, чтобы никто не выбивался из общего ряда. Десяток комментариев к одному произведению считается обычной нормой. Те, у кого их сотня-другая, признаются лидерами. Успех прощается собратями по перу только весьма ограниченный, например, высшим допускаемым достижением является бумажная публикация в какой-нибудь многотиражке или районке, на худой конец, в занюханном провинциальном сборнике. Все эти «успехи» скрупулезно фиксируются, собираются, тщательно суммируются и выносятся на всеобщее обозрение к пушей зависти коллег-графоманов.

Но в тот январский день 26-го числа я ничего этого еще не знала. Я лишь недоумевала. Во-первых, после публикации книги прошло меньше суток. Мой текст очень даже не маленький. Как кто-то успел его осилить? Это же надо было читать, не поднимая одного места от компьютерного кресла в течение целой рабочей смены. Но есть и во-вторых: ужасно обидным мне показалось то, что из 240 страниц текста была замечена всего одна тема: о шмотках. Вскоре я убедилась, что для определенной категории читателей шмотки до сих пор вызывают какой-то фрейдистски-болезненный интерес. Ну что ж, поговорим об этом.

«Шмоточки»

Итак, некоторых читателей (многие из них – «писатели») больше всего из моего текста взволновали проблемы шмоток (а также денег, золота, бриллиантов, хотя о них я и не писала). Похоже, остальное «шмоточников» не очень заинтересовало. Вот типичный пример.

Хи-хи:

Если это выдумка, то выдуманно хуже, чем у Санаева в «Похороните меня за плинтусом». Там острее, и не так длинно. А если правда, то тоска берет от того, что бедному ребенку чуть ли не главным казалось в детстве то, что нет подходящих шмоток.

Анна:

Ботиночки ей не те купили. Не покрасивше. Да многие дети за старшими братьями и сестрами донашивали, кому-то и надеть было нечего, а эта дамочка с такими претензиями. Да каждый второй ребенок в нашей стране может с такими же претензиями к родителям – а вот у подружки кофточка покрасивше, «я, Вань, такую же хочу...»

Брунгильда:

Не те туфли купили, нужной кофточки не было, не провожали по вечерам из музыкальной школы... Понимаете, точно так же было у всех. И средний читатель вроде меня не понимает, чего же в этом такого страшного. Особенно люди нашего возраста. У меня тоже первые «настоящие» джинсы появились только в 25 лет, а в детстве я донашивала вещи за старшим братом, поэтому меня все время с мальчишкой путали. Правда, может, ваша проблема в том, что вы жили в Москве, а не в провинции, у вас у половины одноклассников была одежда, купленная через фарцовщиков, а у нас в классе – у одного-двух.

Ах, Брунгильда! Читатель, запомни это имя. Сия дама еще даст перцу, правда, в ответ тоже получит по полной программе, но персонаж этот – уморительный и показательный. Ее имя (ник) я изменила по той же причине, что и ник Азиата: не хочу делать рекламу графоманской писанине. В комментарии Брунгильды есть одно здоровое зерно: она все же сообщает, что есть некая разница между местом ее проживания и Москвой. В моей книге русским языком, черным по белому написано, что в Москве в конце 70-х уже были немножко иные представления, чем в провинции, о том, как должен выглядеть человек. Мои подружки были из самых обычных, небогатых семей, и все они (все!) были одеты значительно лучше меня. Я подчеркивала именно этот факт. Не заметили. Проигнорировали. Или «включили дурака».

Брунгильда:

Нужно более подробно описать, как жили другие московские дети, точнее, дети вашего окружения. Это же очень тонкая прослойка, чья жизнь практически неизвестна.

В отношении той же одежды. У нас в классе лучше всех одевалась девочка, чья мать работала проводницей на поезде дальнего следования и имела возможность покупать то, что «выбрасывали» в Москве. То есть если вас одевали так, как эту девочку, то одевали очень неплохо. Откуда же читателю (не москвичу) знать, как одевали ваших ровесниц и где им покупали одежду? Мои родители, например, и не прочь бы были воспользоваться любым блатом, но его просто не было.

Вот ведь чудеса какие! Я не знала, что мы с Брунгильдой жили настолько в разных странах... Не ее и не моя вина, конечно, однако, сдается мне, что дама лукавит: не может она не

знать, что в Москве в магазинах тоже было шаром покати. И без приложения особых усилий, одеваясь «из магазина напротив» без очереди, блата и фарцовщиков, та же москвичка выглядела как чучело, то есть отвратительно и безвкусно.

И бросьте – о какой такой «тонкой прослойке» шла речь? Что за выдумки? Я училась в трех школах, и в двух из них большая часть класса – дети из рабочих семей, совершенно простые люди! Вам и об этой «прослойке» ничего не известно? Ну-ну, почитайте про советский рабочий класс – о нем написаны горы книг, сняты сотни фильмов. Или в провинции были свои книги, свои фильмы, не столичные?

К моему счастью, очень скоро среди читательских откликов появились и благожелательные. Нашлись и такие, которые сразу весьма убедительно поставили Брунгильду и К°. на место.

Reader:

«Откуда же читателю (не москвичу) знать, как одевали ваших ровесниц и где им покупали одежду?» (Брунгильда)

А из книги узнать. Там же написано – героиню одевали хуже всех одноклассниц и подруг. Вы что, доказательств требуете, как в суде? Автор как раз очень четко об этом поведала – словами девочки-одноклассницы. По-моему, достоверно. А как там было на самом деле, не знаю. Но недоверия книга не вызывает. Автор задала условия, нарисовала картинку, а главное (именно это и обеспечивает достоверность), передает все это через собственное восприятие – иногда здоровое, иногда болезненное. Именно откровенность придает правдоподобие всему описанию.

Мне кажется, ваши претензии, Брунгильда, проистекают от невнимательного чтения.

Почитав все это, я тоже не смогла остаться в стороне от беседы и сразу взяла быка за рога:

Автор:

Я вдруг поняла, что меня очень достало одно обстоятельство. Я пишу, как старший брат проявлял к маленькой девочке отнюдь не братское любопытство, а людей трясет от главки об одежке. Я пишу, как родители игнорировали болезнь девочки, которая мучилась головными болями, тошнотой и бессонницами, а почтенная публика видит лишь тему шмоток. Я пишу, как девочка стала шараться от всего мира, бояться обычной жизни из-за поведения своих родителей, а некоторые читатели негодуют по поводу моих воспоминаний о тряпье, в которое я была одета и из-за чего, разумеется, тоже страдала.

Некоторые пишут: а у меня было еще хуже! Ну и что с того? Вы думаете, мне от этого легче? А тем более – легче той девочке?

Отчего же некоторых так «заколбасило» именно на этой теме, напрочь заслонившей все остальное? Вот и скажите: кого из нас больше волнует это? Кто до невозможности зациклен на шмотках? В моем тексте сия тема одна из многих, в комментариях некоторых читателей она главная и основная, которая взволновала, задела, видимо, за живое. Так у кого это болит?

Но, как показало время, все оказалось бессмысленно – и слова Reader» а, и мои... «Шмоточная» тема продолжает волновать умы некоторых читателей больше всего на свете.

Тося Т. (имя изменено):

Вот кофточки не было, одежды в обычном магазине куплены, а не по блату – вот трагедия!

Людмила:

К сожалению, считаю, что вся ваша книга пропитана злостью и ненавистью. Тряпки, квартиры, любовные романы – вот ваши интересы.

Зеркало:

Вы написали: «вещи из ближайшего магазина». У меня половина подруг так одевалась, хотя школа была что-то типа элитной в современном понимании. Насколько помню, никто не морщился. Тогда это было не так важно, как сейчас. Это ваши личные комплексы, о которых если и стоило упомянуть, то в другом контексте.

О, любимый аргумент: «у меня половина подруг так одевалась». Кстати, а почему Зеркало не сообщила о себе, из какой она была половины, странно как-то... Могу предположить, что среди «половины подруг», одетых убого, эта девочка, очевидно, одетая «из-под прилавка», чувствовала себя очень даже неплохо.

Важно это было всегда, потому что, живя среди людей, необходимо соответствовать социуму, в котором живешь, его требованиям. И если ты одет, как нищий, то именно так тебя и будут воспринимать – так устроено любое человеческое общество. Или носи на себе табличку: «Я из хорошей и культурной семьи, просто мои родители на замораживаются тряпками». К сожалению, я до этого в детстве не додумалась, а то бы непременно ходила с такой.

Некоторые советские люди (я продолжаю называть многих наших людей «советскими», потому что по своей сути они именно такие и есть) и по сей день ничем подобным не замораживаются, например, не считают нужным покупать дезодоранты – ну, выше они этого, и все тут! Последствия такого высокого духовного полета мы и имеем счастье обонять ежедневно в общественном транспорте. А ведь эти, которые «духовно выше», просто не желают считаться с требованиями цивилизации. А Зеркалу, по-видимому, такой запах «и сладок и приятен», ведь у нее, в отличие от меня, нет личных комплексов. Или она тоже противница дезодорантов? В одном Зеркало права: конечно, речь идет о моих личных комплексах! Они возникли и оттого, что одноклассницы как раз морщились от вида моей одежды. Но раз у Зеркалы такого не было, я, конечно, не имела права упоминать эту проблему в данном контексте.

Впрочем, есть еще одна банальная версия того, почему так «заколбасило» некоторых людей на двухстраничной теме... Зависть. Тривиальная, тупая, злобная и неукротимая. Ведь я написала, что теперь у меня и с этим (да-да, со шмотками этими несчастными!) все хорошо. Они у меня есть в большом количестве и самого лучшего качества. Вот этого мне могли и не простить! Разве «совок» может спокойно пережить чье-то благополучие, даже наступившее после больших проблем и потерь?

Вспоминаю известную жуткую историю солдата, которого покалечили в армии, в результате чего он остался полным инвалидом без ног. После того как об этом рассказали телевидение и газеты, семье несчастного выделили какие-то деньги и, кажется, предоставили новое жилье. Помню выступление матери этого солдата... Она со слезами рассказывала, что соседи стали злобствовать и травить несчастную семью. Так что предметом зависти у значительной части нашего населения может стать даже помощь изуродованному человеку. Что уж говорить о шмотках!

Я задумалась, или, как говорят в русских сказках, пригорюнилась. Я чувствовала, что происходит что-то не совсем то... Нет, я вовсе не ждала аплодисментов и восторгов от читателей, но подобного поворота все же не предвидела. Вот ведь какая наивность, дожить до седины и не понимать, как много людей вокруг меня – с другой планеты. Или это я с другой планеты? В любом случае, мы совершенно по-разному смотрим на этот мир, настолько по-разному, что вообще не в состоянии понять друг друга. Это стало очевидным довольно быстро, но в самом начале я оказалась к этому не готова. Несколько позже один весьма интересный, хотя и не без странностей, читатель, регулярно появлявшийся на моем форуме, скажет, что я – «человек Чистого Будущего», а потому типичные представители «грязного настоящего» не понимают и ненавидят меня. Осознаю всю степень этого преувеличения, но, к чему скрывать,

приятно было это прочитать о себе. Хотя я совсем не уверена, что при таком количестве поборо-
ников «грязи» «чистое будущее» реально достижимо в обозримые сроки.

Правила игры

Не очень далеко еще уйдя от начала, должна рассказать читателям о тех правилах игры, которые пытались мне навязать хулители и проклинатели, подозрительно быстро объединившиеся в целую банду. Они почему-то решили, что вправе разговаривать любым манером, употреблять какие угодно слова и оскорблять меня, а я... Я, по их плану, должна была кротко внимать всему этому или, что еще лучше, покорно принимая и безропотно снося удары, благодарить хулителей за науку и правду. Они не ожидали отпора с моей стороны и были крайне возмущены, когда получили его. Я выбрала записи одной моей корреспондентки, во-первых, потому что в них содержатся наиболее типичные для комментаторов этого сорта обвинения, а во-вторых, потому что это наиболее связный и читабельный текст.

Тося Т.:

Теперь я могу судить о целой книге – пусть с третьего раза, но до конца осилила. Именно не дочитала, а осилила. Если вначале все то, что вы описываете, было мне близко, то дальше стала я в вас, как личности, разочаровываться. Все чаще, все больше из-под маленькой несчастной девочки проглядывала эгоистка с, простите, сволочным характером (эту вашу черту также выдает ваша манера общения, ответы на негативные комментарии). Все кругом такие твари!

Ах, мать плохая – не взяла вас с мужем в гости, куда вас приглашали! А вы не подумали, что мать ваша банально вас стеснялась? Стеснялась того уродца, которого вырастила? Безусловно, она виновата! Виновата!!! Это я не ерничаю. Она сделала вас такой.

Стоп! Обратите внимание: для Тоси Т. нормально, если мать стыдится собственного ребенка. Якобы уродца... Что имеет в виду Тося? Мою внешность? Ну, о ней я довольно-таки критического мнения, но уж уродцем точно никогда не была, да и мать в своих произведениях писала: «моя красивая дочь». Замечу также, что на СИ была размещена моя фотография. Не зависть ли бередит душу бедной Тоси? Фотограф был хороший, фото удалось, возможно даже, оно мне льстит.

Мне могут возразить: Тося имела в виду мое моральное уродство, вроде как я была какая-то не такая, как все, неправильная, что ли. Ой ли? В книге ясно сказано, что уж вести себя я всегда умела, во всяком случае, претензий по этому поводу никогда не было. Я не знаю, как читала Тося мою книгу, но там также было написано, что родители второго-третьего круга (тети, дяди, двоюродные и троюродные братья и сестры) тогда еще относились ко мне очень даже хорошо. И продолжение истории с гостями там тоже изложено. Но Тося притягивает за уши свою версию: моего «уродства» и права матери стыдиться такой «уродской» дочери. Что ж, это в гораздо большей степени характеризует Тосю и ее мораль, чем меня, что она потом и докажет.

...Я выхожу в красивый ухоженный двор – покормить моих ободранных, уличных кошек. Половина кошечек раздуты от беременности, другая половина – уже кормящие мамочки. Они трутся о ноги, мурлычут и умильно заглядывают в глаза. Еще бы, я выношу для них молочко и кошачьи чипсы, а им детишек надо выкармливать, так что я – полевая кухня. Они ласковы со мной и прекрасно знают, что я их друг, но... Но никогда эти осторожные, умные животные не показывают мне своих детенышей, надежно спрятанных в разных укромных местах. Кто-то «свил гнездо» в зарослях кустов, куда человеку не продрасться сквозь цепкие ветви и колючки, а кто-то пристроил малышей в полуподвальных запертых помещениях, куда можно пробраться только сквозь крохотное оконце. Берегут киски детишек, ох, берегут!

Мяукающие мамашки выводят детенышей «в свет», только когда им исполняется полтора-два месяца и их уже надо приучать к самостоятельности. Я обожаю эти «выходы в люди» маленьких комочков с испуганными глазенками и крохотными хвостиками... Мамы-кошки всем своим видом дают понять миру, что они гордятся потомством. Даже дворовые кошки...

Подленькая мысль о том, что нормально стыдиться своего ребенка, не любить его, если он какой-то «не такой», уж слишком часто, чтобы можно было это проигнорировать, появлялась в некоторых комментариях – и не только мужчин, но, что самое дикое, и женщин тоже.

Тося Т.:

Вы, вероятнее всего, уже родились с некоторыми психологическими отклонениями, а мать не поняла этого, воспитывала вас как нормального ребенка. Плюс к тому, даже к нормальному ребенку, видимо, подходов правильных не знала, вот и получилось, что получилось.

А что получилось-то? Что конкретно? Я кусала людей? Лила кому-нибудь на голову разнообразные напитки? Требовала, чтобы слушали стихи моего сочинения? Что я делала такого, чтобы меня нужно было стыдиться? Ни в книге, ни в жизни ничего подобного не было. Это была даже не фантазия Тоси, а, если называть вещи своими именами, злобная ложь и желание меня оскорбить. Всего лишь. Поэтому Тося продолжает искать другие, с ее точки зрения, слабые места в моей биографии.

Тося Т.:

Но мать ваша – живая женщина. С присущими ей плюсами и минусами. Неужели плюсов у нее совсем-таки нету? Вот вся насквозь черная? Может, душой и скупая, а деньгами? Разве отказывала вам в чем-то? Одну машину подарила (типа с возвратом, но родители наверняка догадывались, что возврата не будет), потом вторую. И если машиной она вас когда-то попрекнула – то квартирами не попрекала. Ни первой, ни второй. Или это мелочи? Действительно, что такое квартира в Москве? Так, пустяки.

Нет, у Тоси Т. глаза явно не в порядке. Потому что получается, что читает она... странным образом. Про квартиры в книге я написала предельно ясно: что я об этом думаю, как я за это благодарна и прочее... Мать действительно меня за квартиры не попрекала. Ну, конечно, для Тоси Т. подобное – подвиг. Очевидно, все, что она делает для детей (если они у нее есть, конечно), она заносит в амбарную книгу, в которой детей заставляет расписаться, а потом всю жизнь попрекает их и напоминает о долге. Разумеется, отсутствие попреков – подвиг в ее глазах, за который требуется отдельная благодарность. Попутно замечу, что приобретение квартир для детей улучшает жилищные условия и родителей, иными словами, взаимовыгодное это мероприятие, даже если не принимать во внимание абсолютную естественность помощи детям со стороны родителей.

Тося Т.:

Самообличительный текст у вас вышел, Катерина. Вы не столько мать дерьмом облили, сколько саму себя. Если хотите, чтобы текст этот в бумажном виде появился, чтоб тысячи людей его прочли – хорошенько отредактируйте. Во-первых, он должен читаться. Читаться легко, без усилий. Во-вторых, еще больше предстоит поработать над содержимым, если вы хотите выглядеть в нем белой и пушистой. Пока что ни белой не получилось, ни пушистой.

У меня тоже было не слишком сладкое детство, так что не упрекайте меня в черствости. В начале книги я сочувствовала вам. В конце меня от вашего невыносимого эгоизма тошнило. Женю вашего жалко. За что ему так повезло?

Сорвалась-таки Тося на откровенную грубость и этим только себя измазала любезной ей субстанцией. Ее вроде бы деловые советы про редактирование в этом контексте выглядят просто смехотворно.

Тосе и иже с ней трудно будет понять то, что я сейчас напишу, но пусть попробуют сделать усилие: я не собиралась выглядеть в своей книге ни белой, ни пушистой, хотя бы потому, что таковой не являюсь. Я писала правду. И о близких, и о себе. Получилась не пушистая? Значит, не соврала. Самое смешное, что это обвинение – самая главная защита моей репутации как автора книги. Если бы еще не было хамства и желания непременно меня оскорбить, я могла бы записать Тосю в сторонницы.

Я была честна в своей книге и писала все, как есть. Не скрывая своих плохих, неправильных поступков и даже не ретушируя их, я старалась их объяснить, а не искала оправданий. Однако мои критики упрекнули меня за то, что свои-то недостатки и пороки я объясняла, а вот материны лишь обличала.

Обвинения эти несостоятельны. Я прекрасно поняла и постаралась объяснить все то, что она делала со мной. Она не любила, не умела любить дочь (вот уж понять почему – увольте!). И по-моему, главное объяснение я сформулировала четко. Однако объяснение не является оправданием. Скажу больше – в моем случае это даже не первый шаг к прощению, потому что как раз суть поведения матери исключает даже возможность прощения. Во всяком случае, пока эта суть остается прежней... И разве объяснение может изменить мое отношение ко всему произошедшему?

После комментариев, подобных Тосиным, в которых всегда присутствует что-то как бы личное, я начинаю лихорадочно вспоминать: а не должна ли я этому человеку денег? Иначе за что он меня так ненавидит? Ему-то я что плохого сделала? Борец за идею? А за какую?

Ну, а последняя Тосина фраза про моего мужа – это уже совсем за пределами позволенного для интеллигентных людей. Мне остается только послать виртуальную пощечину хамке.

На следующее утро, еще не успев позавтракать, я бросилась к компьютеру... Интернет не обманул моих ожиданий: книгу продолжали очень активно читать и комментарии за ночь сильно прибавилось. Однако когда я углубилась в их чтение, мое недоумение вкупе с горечью лишь возросли. Все больше я чувствовала себя во враждебном окружении инопланетян... Я как будто вернулась в детство, когда ощущение чуждости и враждебности окружающего мира было для меня нормой.

Погрузившись в Интернет, я с неудовольствием заметила, что в Сети встречается намного больше хамов, чем в реальной жизни. Это и неудивительно, окажись хам на расстоянии вытянутой руки, он не рискнет показывать свое «культурное» нутро, ведь по физиономии схлопочет. А сидя за компьютером, он чувствует себя в неприкосновенности, и присущая большинству пакостных людей трусость не мешает ему полностью раскрепоститься и делать то, что он вынужден в себе подавлять при реальном общении с людьми. Приведу несколько типичных примеров.

Анна:

Мы знаем о поведении Галины Щербаковой только из написанного психически не вполне здоровой дочерью. И все. Нет никаких подтверждений, что так и было.

Да к сорока годам сто раз вылечиться можно было! Или хотя бы улучшить как следует свое состояние. Это же не идиотия. А к книге написали бы тогда в аннотации: «записки психически неадекватной...»

Вот еще один «добрый» человек – эта Анна стала надоедать мне своими злобными заметками с самого начала и никак не уходила с форума. Я так и не поняла, для чего она это делает. Если не считает меня больной, выходит, хочет просто нахамить. Если считает, что я нездо-

рова, значит, мадам удовлетворяет свой садизм: кто еще может так доводить заведомо больного человека? В обоих случаях портрет получается не очень эстетичный.

Пример другого типичного обвинения.

Читатель:

Автор воспринимает только положительные отзывы. Как там – кто похвалит меня лучше всех? Любая, даже корректная критика не воспринимается.

Автор:

Пожалуйста, ответьте только на один вопрос: слово «дерьмо» про написанное мной – это корректная критика?

Думаете, это убеждает шакалью стаю? Ничуть не бывало. Они даже подводят теоретическую базу под свое право хамить.

Тося Т.:

По поводу «дерьма». Выставляя что-либо в Интернет, а тем более глубоко личное, причем неординарное, спорное, скандальное, человек должен быть готов к любым комментариям. Ибо не только вы имеете право на самовыражение. Его имеет любой человек. Он имеет право понимать вас по-своему и реагировать по-своему. Это свобода. А не то, что считаете свободой вы. Свобода одного человека ограничивается только свободой другого – тогда это настоящая свобода.

Вот видите, какие в России продвинутые графоманы, как широко они трактуют понятие свободы. Американцы нервно перекуривают... Тося и компания абсолютно уверены, что свобода предполагает право на площадную брань и личные оскорбления. Правда, повторюсь, только в виртуальном пространстве. Инстинкт самосохранения у этих свободолобивых писак все-таки сильнее желания полного раскрепощения эмоций. Так что пусть они принимают лозунг «Свобода хамству!» за руководство к действию при обсуждении своих собственных творений.

– Вы же ограничиваете свободу тех, кому не понравился ваш текст, – вопит в возмущении радетьница демократии и права на хамство. – Вы запрещаете им высказываться. Это не проявление силы, уверяю вас. Это натуральная слабость. Таким образом вы лишь расписываетесь в своей беспомощности, беззубости. Вы ведь умеете писать. Почему не использовать это умение себе же на пользу?

Ладно, сдаюсь. По совету Тоси использую умение писать себе на пользу. Вот сейчас, например, пишу себе на пользу эту книгу.

Разумеется, кроме нападающих «команды противника» в игре присутствовали и защитники моей «команды», новые друзья, которые поддерживали меня все эти полгода и не дали умереть вере в нелюдоедское начало в человеке.

Reader:

Рекомендую вам не обращать внимания на хамство. Игнорируйте эти вещи и все. У вас болезненное восприятие неинтеллигентной речи. Увы, даже в литературном диспуте принимают участие и хамы тоже. Не стоит тратить на них свои нервы.

Вы молодец! Вы высказались на животрепещущую тему, с одной стороны, и обрели оружие, адекватное тому, которым владеет ваша мать (перо, компьютер). Теперь вы на равных.

Хотя, боюсь, ваша мать в долгу не останется – а у нее «голос» громче, «слушателей» больше. И вряд ли она будет следить за выражениями. Читал я Галину Щербакову – она любит злоупотребить ненормативной лексикой (известная хамская игра интеллигентов). Так что держитесь, Катерина, ваши бои еще впереди. Я на вашей стороне – ваша книга меня убедила. Так что один сторонник, как минимум, у вас уже есть.

Светлана:

Не понимаю, почему неприятие автором хамства раздражает. Кто-то в дискуссии перешел границы допустимой лексики и получил за это по заслугам.

Нет, не достигла «команда противника» желаемого результата: я не была кроткой и не принимала с благодарностью их хамство. Их это ужасно разозлило и обидело, кстати, как и мою родню, очень удивившуюся, что я вдруг обрела голос, высказала им нечто нелицеприятное, да еще и не покаялась в этом. Хамы и дураки любят иметь дело со слабыми, потому что их можно обижать безнаказанно. Когда же встречаются отпор, то удивленно-обиженно вопрошают: «Как же так? Нам обещали, что будет не драка, а избиение...»

Начало моей «новейшей истории» оказалось необычным. Что я чувствовала? С одной стороны, меня удивило и порадовало внимание, которое обратили на мою книгу. На СИ есть счетчик посещений, и по сравнению с публикациями постоянно прописанных здесь авторов он на моей странице сразу стал зашкаливать. На других литературных сайтах, где тоже читали мою книгу, ситуация была спокойней, но счетчики также щелкали весьма бодро. Я ожидала неприятия, но не такого грубого, глупого и агрессивного. Положительные отзывы меня, конечно, очень радовали. Но все же удручало количество невменяемых, злобных людей, которые возненавидели меня так, будто я им причинила личные неприятности.

– Обрати внимание, – говорил мне муж, – твои хулителю – авторы СИ, бездарные графоманы, которых никто не читает и не публикует. Ты для них, как бельмо на глазу со своей книгой, ведь она быстро стала самой читаемой на этом сайте! Такое не прощают.

Наверно, муж был прав. Большинство хулителю двигала элементарная зависть. Но вскоре проявились и более глубокие причины неприятия книги. Те из моих критиков, кто попримитивней – поглупее, менее образован и культурен, быстро взяли на вооружение избитый постулат «мать – это святое» и пошли в атаку. Критики поумнее и пообразованней быстро смекнули, что всегда найдут массу сторонников, если будут разыгрывать этот примитивный лозунг. Атака с криками «Не смей говорить плохо о матери!» приобрела черты кампании. Поначалу я терпеливо объясняла оппонентам, почему в некоторых случаях дети имеют право на критику родителей, привлекала логику, приводила яркие примеры.

А потом не выдержала и написала статью на эту тему. Написала, выплеснула эмоции и вроде как успокоилась... Отдала статью Жене и ушла обратно в «виртуал» общаться и драться. А Женя статью очень неплохо отредактировал, по-хулигански вставил туда рекламу моей книги и выпустил анонимный материал в Интернет, в сетевые волны, в свободное плавание. Сколько уже с тех пор прошло месяцев, а и по сей день я сталкиваюсь в виртуальном пространстве с этой статьей, кочующей с сайта на сайт, с одного ЖЖ на другой. Люди читают наш с Женей очерк, и, совершенно очевидно, тема никого не оставляет равнодушным. Статья называлась «Россия: три зловердных заблуждения», вот ее фрагменты.

«Как глупы, нелогичны и диковаты бывают вбитые намертво в головы, но при этом абсолютно ложные убеждения! Убеждения, из-за которых сломаны жизни и судьбы миллионов ни в чем не повинных людей. У нас в России таких убеждений хватает, но есть особенно зловердные.

Первая ложь – постулат «Мать – это святое». Сын или дочь, сказавшие хоть что-то «не так» о матери, по меньшей мере хамы (т. е. повторившие известный поступок библейского Хама) – такова первая реакция многих и многих. Причем с отцами дело обстоит не столь категорично. Отцов дети могут подвергать критике – тут Хам с Ноем не помеха. А вот мать – это практически Богородица. Во всяком случае, общественная мораль в России рисует любую родительницу именно так. «Она тебя выносила, рожала в муках, выкормила, а ты...» – слышатся отовсюду крики кликуш, столь милых сердцам редакторов и зрителей популярной телепередачи «Пусть говорят».

Ах, если бы только кликуш! На них, в конце концов, можно было бы просто не обращать внимания, даже несмотря на их зашкаливающее в России количество. Но эта догма застит глаза и многим вполне здравомыслящим людям. Они, не задумываясь, априорно осудят того, кто в любой форме «покусится» на собственную мать. Собственно, пишу я это как раз для здравомыслящих людей, а вовсе не для кликуш. Попробуем рассуждать трезво. Половина населения России (как, впрочем, и всех остальных стран) – женщины. Большая часть из них имеет детей. А теперь сделаем допущение, что все они почти святые, все отдают себя дочерям и сыновьям, все безгранично любят своих детей. Не получается? Правильно! Так не бывает. Большинство – да. Но все – никогда и нигде. И кто не знает про ужасающие случаи детоубийства, отказа матерей от своих детей, а еще больше случаев издевательств над своими отпрысками и еще больше – порочного воспитания? А сколько известно матерей, которые равнодушны к своим детям или попросту не любят их!

Мои умные оппоненты возразят – пусть так, пусть мать виновата, но ребенок должен быть милосердным и все простить своей матери, ведь она его выносила, родила, выкормила... и т. д.

Второе злое убеждение – милосердие и всепрощение универсальны, они должны применяться всеми и всегда. А всегда ли можно простить? Если мать в злобе своей сломала ребенку позвоночник и сделала его горбуном на всю жизнь, он тоже должен простить? А если нелюбовью покалечила душу, обязан прощать? И не должны и не обязаны! Может быть, найдутся святые люди, которые на это способны, дай им бог терпения и здоровья, но требовать этого от всех нельзя.

Насчет «выносила, родила, выкормила»... Выкормить – это вообще обязанность родителей по закону. Но ведь абсолютно все то же самое (и без всяких законов) делает любое млекопитающее, к примеру кошечка. Объявим ее святой? Наверное, разница между людьми и животными лежит в чем-то ином, а не в физиологических действиях и актах. Иначе придется еще припомнить и то, в результате чего появился плод в чреве матери. Вряд ли святым духом надуло. В момент зачатия женщина редко размышляет о будущем деторождении, вскармливании и своем «святом» предназначении. Другие у нее в это время мысли и чувства, скорее всего...

А вот что делает женщина с душой и телом детеныша, с его сознанием, вообще – с его жизнью? Кто вырастает из ребенка – счастливая и полезная для общества личность, больная и несчастная, ученый или преступник, негодяй или порядочный человек – такие вопросы не стоят ни перед какой кошечкой. Это – задача людей, родителей и более всего – матери. Только по конечному результату можно сказать, хорошая мать или негодная. Причем очень часто судить об этом имеет право именно детеныш. Которому, к примеру, родители сломали жизнь.

Когда П. Санаев написал свою нашумевшую автобиографическую повесть «Похороните меня за плинтусом» (потом вышел и фильм с одноименным названием), общество не всполошилось, потому что автор вроде бы не нарушил табу. Острие его пера было направлено не против матери, а против бабушки, да еще и в защиту общения сына с матерью. Когда же была опубликована автобиографическая книга Катерины Шпиллер «Мама, не читай!» о том, как знаменитая писательница медленно изничтожала свою дочь, Интернет взорвался возмущенными воплями протестующих против самой попытки критики матери. Любопытно, что многие

протестующие поставили в вину автору даже слишком сильное впечатление, которое повесть оказывает на читателя. А ведь там просто изложено, как дефицит любви к дочери и избыток любви к себе может превратить писательницу-моралистку и даже в прошлом педагога в губительницу своего ребенка, убийцу ее души.

По-моему, логично и аргументированно. Но это по-моему. А вот моим малоуважаемым оппонентам логика – не закон. Вскоре я подумала, что если бы я написала книгу о том, что мать – это святое понятие, даже если она ведет себя дрянным образом по отношению к собственным детям, то на меня обрушилась бы точно такая же критика, только в защиту детей. И меня все равно объявили бы монстром. Но, конечно, при одном условии – если бы эта книга тоже завоевала популярность. Такое у этих СИ-шников представление о конкурентной борьбе за читателя. «Если уж не читают произведения в моем разделе, то пусть хотя бы читают мои такие замечательные злые комменты на популярном форуме. А там, глядишь, и ко мне на страницу кто-нибудь да заглянет» – так или примерно так рассуждают графоманы со стажем. А еще они всегда справедливо рассчитывают на поддержку сторонних злобных дураков, имя которым, как известно, легион. Кто-нибудь из них время от времени проявляет себя, черкнув пару глупых строк, а стае этого и надо – сторонники все-таки!

Господа графоманы не могут не писать. А им это противопоказано. Смириться со своей литературной бездарностью они не в состоянии, а чужой успех воспринимают как личный вызов. Вот и шакалят на чужих форумах. Ну что за порода такая!

Дурость

Глупость обрушилась на меня орущим Ниагарским водопадом. Скажу сразу: довольно долго я была подавлена мыслью, что количество глупых людей, оказывается, превышает все мыслимые пределы. Причем эти люди вроде бы считают себя если уж не писателями, то активными читателями, т. е. причисляют себя к читающей, мыслящей части населения. И зачем их только учили читать-писать!

Брунгильда:

Знаете, что мне не понравилось в вашем романе? Ваше неумение «просчитать» восприятие читателя. Это касается, прежде всего, воспоминаний о детских обидах. Так что завидовать особо некому было.

И онанисты по темным углам, и уголовники, пристающие к девочкам (правда, не ко мне, но одноклассницу изнасиловали), и много что еще – это было у всех. К тому же – повторяю – вы жили в Москве, которую «чистили» от всякого криминала. А представьте, что творилось в провинциальных сибирских городках, где численность коренного населения порой меньше численности экзотов в расположенных в них зонах и поселениях? А ведь читать будут и люди, выросшие в таких местах.

Так что вот эти детали ослабляют и размывают нужный эффект. Автор из-за них выглядит какой-то завистливой мещанкой, которая оценивает мир только через шмотки. Первая реакция, если анализировать чисто по фактажу: «Идеальное детство. Музыкальная школа, полная семья, не голодает, не раздета. Чего еще надо?»

Н-да, убедительно, если исходить из того, что равняться надо на идиотов. Оказывается, «это было у всех». Другими словами, Брунгильда хочет сказать, что во всей России нет и пары нормальных родителей, которые берегли своих дочек от насильников, встречали девочек в темных дворах, не пускали туда, где опасно... Хорошенькое представление у дамы о соотечественниках! Странно, но я знавала родителей, которые все это делали и почему-то не считались белыми воронами... Скажу по секрету, что такими было большинство известных мне семей. Это мои мать с отцом были альбиносами среди черных пернатых. Если верить Брунгильде, то получается, что за пределами столицы жили сплошь родители-монстры. Не очень-то правдоподобно... Но вот Брунгильда утверждает, что так и было.

Вспоминаю... Вернее, не могу забыть... Холодный зимний вечер. Я подхожу к своему двору и, как всегда, окунаюсь в его чернильную темноту: ни один фонарик не горит, идти вдоль дома приходится почти на ощупь. Всю дорогу от одного угла здания до другого, где мой подъезд, я шепотом молюсь неизвестно кому: «Пожалуйста, пусть я дойду до дома, пожалуйста, пусть на меня никто не набросится!» Мне очень страшно. Но впереди ждет еще более жуткое испытание – подъезд. Там никогда нет света, пол по щиколотку залит мочой. В самом лучшем случае меня там может ждать уснувший в собственной луже алкаш. В худшем – маньяк. И еще одно чувство не дает мне покоя: если со мной что-то случится, маме станет плохо, и я буду виновата! Беспокоящее меня чувство – это готовое в случае чего развернуться в полный рост типичное чувство вины. Чувство вины потенциальной жертвы. Жертвы – не маньяка, а, прежде всего, родительского преступного равнодушия. Это я теперь так ловко формулирую, а тогда, маленькая еще девочка, трясясь от всех этих негативных, мучительных эмоций – страха, вины, усталости и даже обреченности, – пробиралась мелкими перебежками к своему «родному» дому, мечтая дойти до него невредимой...

Каждый раз (каждый день!) в подъезде мои зубы отстукивают какой-то неровный, нездоровый марш. Ощупью я нахожу кнопку лифта, все время вжимая голову в плечи в ожидании

нападения с любой стороны: мои-то глаза еще не привыкли к темноте, а глаза того, кто, возможно, притаился в черном углу, уже давно хорошо видят... Как читатели знают из моей первой книги, мне не всегда везло, иногда в подъезде таки таились «рожи». Чаще всего я успевала выскочить обратно на улицу и, отойдя в сторону, просто ждала, когда кто-то из соседей, мне знакомых, выйдет или будет заходить в подъезд. Но однажды на меня все-таки напали... Буквально за неделю до убийства в подъезде же моей одноклассницы...

Никого это не беспокоило в моей семье. Семья всегда в это время уютно торчала перед телевизором.

Так что, в нашей стране все родители были такими? Все семьи настолько ужасающе относились к детям? Не просто не верю, а знаю, что это не так. Мои родители – уродливое исключение из нормального правила. Любящие родители оберегают своих детей от подобных кошмаров любой ценой. Мои же любой ценой хотели не безопасности своей дочери, а совершенно другого.

Была бы верующей, сказала бы, что меня хранил Бог. Но на самом деле думаю, я себя сохранила сама, так как была очень осторожной и пугливой. Чего мне это стоило? Да так, пустяка – здоровья.

Кстати, именно по этой причине в подростковом возрасте у меня началось страшное мужененавистничество. Мне стали совершенно омерзительны любые мужские проявления чего угодно: я видела носки отца или брата – меня начинало тошнить, отец выходил из комнаты в жутких трусах – я готова была его ударить... Когда к нам приезжали родственники или друзья родителей – несвежие провинциалы, – меня от мужского запаха мучило так, что я бывала вынуждена выбегать из-за стола и нестись в ванную комнату – сполоснуть лицо водой, чтобы меня все-таки не вырвало.

Я не воспринимала мужчин как защиту – я не видела в них ни защиты, ни безопасности, ведь никто из них меня, девчонку, не защищал от страшного мира, загаженного подъезда, сальных рож... Мужчина для меня стал либо угрозой, либо дурно пахнущим, перхотным существом, способным лишь на несложную физическую работу и ищущим по магазинам по поручению жены спальный гарнитур. Или стоящим в очередях за дефицитной колбасой. Потом, по наблюдениям вокруг себя, я выделила еще один очень распространенный тип: алкашей.

Странно даже, что со временем это прошло. Теперь я понимаю, что у меня были все шансы стать, к примеру, лесбиянкой или просто мужененавистницей, принципиально не выходящей замуж и не имеющей с противоположным полом никаких отношений. Но природа, к счастью, все-таки взяла свое.

Елка:

Столько лет в душе держать обиду и ненависть... И таким способом нагадить старенькой матери! Ведь Галине Щербаковой сейчас под восемьдесят! Хорошо, если ваша мать это не прочитает. Знать, что у тебя такая злопамятная дочь... ну, я бы не хотела.

Спешу успокоить Елку: мать это не прочитала. Хотя и знала о книге со слов «доброжелателей», поспешивших ей сообщить о публикации. Впрочем, откуда мне знать, что и как рассказали «заботливые и добрые» вестники Галине Николаевне? И чего своими нашептываниями добивались?

Я попыталась дать Елке добрый совет, как быть, чтобы с ней не случилось подобной истории: любите и берегите своих детей. Но Елка не хотела советов, она хотела браниться на моем форуме, лишь для этого туда приходила. И приходила, и приходила, и брань сыпалась из нее, как засохшие иглы с перестоявшей новогодней елки.

А потом позвонили мартышки, то есть нет, ко мне пожаловало чье-то Мнение.

Мнение:

Наверно, все эти мелочные детали и килобайты слез выжаты по совету психотерапевта. Иногда они советуют выговариваться подобным образом, чтобы пациент одолел свое помрачение и избавился от инфекции застрявших в психике детских комплексов. Но потом настоятельно рекомендуют эти гнойные сопля непременно выкидывать, стирать, сжигать. Или оставить у самого специалиста в качестве материала для очередной статьи. Тайна исповеди в данном случае гарантируется.

Зачем люди читают? Я всегда думала, для того, чтобы, как минимум, понимать прочитанное. Раз десять в «Маме» я упоминала психиатров, но напрасно. Читатели, не умеющие понимать написанное, упорно видели вместо слова «психиатр» – «психотерапевт», а то и «психолог». Отчего происходит эта постоянная подмена? Мракобесие ли «рулит» (не поминай черта) или для них нет разницы? Сообщаю снова, хотя писала об этом и в «Маме», и десятки раз в комментариях: психиатры подобных советов не дают. Они врачи и пользуются другими методами лечения. Психологи, психотерапевты и психиатры – это специалисты отличающихся друг от друга профессий. С этими непонятками, ну, просто как в анекдоте, когда блондинка говорит подруге, что их общая знакомая вышла замуж за ветеринара, а та удивляется:

– За старика?

– Да нет, – объясняет блондинка, – это те, которые мяса не едят.

Мнение:

Такой метод хорошо работает в том случае, когда пациент действительно желает избавиться от душевной занозы. В данном же случае налицо обратный факт: пациентка дорожит своими страданиями и желает видеть вокруг себя сочувствующую аудиторию.

Да, очень дорожу своими страданиями! Потому что эти страдания – большая часть моей жизни. Мне куда 40 лет жизни деть прикажете? Выбросить на помойку? Попробуйте сначала сами, а потом давайте такие советы «космического масштаба и космической же глупости» (М. Булгаков). А сочувствующую аудиторию я нашла. Об этом речь впереди. Пока же разбираюсь с другого сорта аудиторией, в частности, с Мнением.

Мнение:

Эта подростковая истеричность в сорокалетней даме выглядит болезненным извращением. Все жуткие случаи, которые она описывает, по эмоциональному накалу могли бы соответствовать состоянию ребенка, в течение ряда лет терпящего сексуальное насилие. Здесь же видим лишь маниакальную замкнутость на собственных переживаниях, бесконечное пережевывание деталей, стремление постоянно обновлять впечатления. Объектом вражды пациентка избрала собственную мать – явление нередкое среди девочек-подростков, но благополучно проходящее с началом взрослой жизни. Страх не соответствовать требованиям своих родителей, боязнь осуждения с их стороны нередко сопровождаются у таких детей заниженной самооценкой и в отношении своих сверстников.

Господи, уж не возомнило ли себя это Мнение еще одним психологом? Нет, больше меня на мякине не проведешь!

Мнение:

Настоящая инфантильность, свидетельствующая о наличии глубоких психоневрологических расстройств, проявляется позднее и выражается нередко в повышенной агрессивности. Автор строит свой собственный образ как противоположность абсолютно негативной фигуре собственной матери и потому получает на выходе такой же абсолют: ангельски-воздушное существо без всяких человеческих пороков. Это даже не образ, а картина: изысканный сюр-

реализм вместо человека с придуманным фоном (древние камни вечного города, бокал вина, утонченные беседы).

Чувствуете, какой пошел глубокий анализ? Правда, идет вразрез с мнением Тоси Т., которая утверждала, что я получилась не то что «белой и пушистой», а ужасной и кошмарной... Гм, непонятно. Диаметральные противоположные выводы, а оценка книги одинаковая. Плюрализм во всей красе.

Закончило Мнение свой анализ книги апокалиптически.

Мнение:

Героиня не видит реальности и неверно оценивает собственную ситуацию, поглощенная причудливыми миражами своего воображения. А помрачение, длящееся так долго, в конце концов выливается в новую трагедию.

В этом месте я заплакала, жалея себя, но потом вспомнила, что никакой трагедии со мной сейчас не происходит, и успокоилась. Надо успокоить и Мнение, ведь он, нет, она, нет, оно переживает.

Недавно мне попала информация о том, что в России 34% населения вообще не читает книг. Грустно... Но боюсь, что из оставшихся 66%, как минимум, половина не в состоянии понять прочитанное. Что не менее грустно. Может быть, лучше бы они тоже не читали, раз не впрок?

Пагри:

С детства ненавидела Павлика Морозова. Не думала, что встречу персону еще хуже. Более гнусной вещи не встречала. Начала читать и как будто выкупалась в помоях. Вам случайно не ваш психотерапевт посоветовал это написать?

Видно, писала пожилая дама. В детстве была знакома с пионером-героем, но почему-то ненавидела его. Но почему она тоже привязалась к моему несуществующему психотерапевту? Кстати, Павлика Морозова убил собственный дед. А меня не успели. Может быть, это так разозлило Пагри?

Варя:

Да никакая вы не любящая мать. О любви к дочери вы просто говорите. Когда вам удобно. Если бы вы любили дочь – она жила бы с вами. И видеть ее вы хотели бы всегда. Под любым предлогом. Зазывали бы к себе.

Да-а-а... Разве молодые люди не мечтают о собственном жилье, о самостоятельности? Вряд ли нормальная молодая девушка мечтает все время жить с родителями. Иначе она не была бы нормальной.

Варя:

Говорить о любви – одно. Любить другое. Вы никого не любите. Для вас все плохие. Мать – плохая, брат – плохой, его жена – тоже и вообще – все плохие.

Нет, не все. Дочь – хорошая, муж – хороший, друзья – хорошие. А вот комментаторы попадают хреновые.

Варя:

Одна вы хорошая и несчастная. А критически посмотреть на себя? Жить с психически не вполне здоровым и неуравновешенным человеком очень трудно. Таким людям всегда все преувеличенно кажется, любой пустяк такие люди раздувают до вселенских обид.

P.S. И мать, и брат, и остальные, наверно, обычные люди, а автор на все смотрит через призму детских обид, страхов и своего психического состояния.

Нет, я не хорошая. Сейчас докажу. Хороший человек никогда не сказал бы об авторе этого комментария того, что я сейчас напишу: удивительно глупый человек. Смотрит в книгу, а видит... Знаете, что я посоветую Варе? Не читать больше книг, потому что она пока еще не научилась читать. Это занятие требует некоторой умственной нагрузки, которая ей явно не по силам.

Поленко Мария (*имя изменено*):

Отличие от многих прочих оппонентов автора, не выдержавших накала ненависти, данный текст я осилила до конца, а потому считаю себя вправе озвучить свои ощущения.

Что сказать? Я некоторое время работала с трудными подростками и приобрела устойчивое убеждение: действительно, в духовном уродстве детей всегда виноваты родители. В том, что сегодня существует чудовище под именем Шпиллер Екатерина Александровна, прямая и непосредственная вина Галины Щербаковой – это, увы, правда.

Человек вроде как надеется на разговор, на беседу, но с места в карьер оскорбляет меня. И продолжает рассчитывать на мое кроткое терпение? Кстати, слово «озвучивать» – не к месту употребленный штамп. Здесь не озвучивают свои мысли, а печатают, пишут, публикуют... такие модные словечки, употребляемые не к месту, дают писавшему определенную характеристику.

Поленко Мария:

Тем не менее. Есть в нашей русской традиции мнение: сор из избы не выносят на всеобщее обозрение. Человек, который этого не понимает и тычет грязным бельем своей семьи в нос публике, производит впечатление намного более вульгарное, чем человек, не умеющий есть рыбу при помощи ножа и вилки или не слишком подкованный в области живописи.

Меня всегда интересовало: а куда девают этот пресловутый сор? Заматают под кровать, чтобы гнил и подванивал?

Поленко Мария:

Что делать? Осуждать? Нет смысла. Автор сего текста, судя по комментариям, испытывает странное, извращенное удовольствие от скандала, который здесь развернулся. Объяснять, что все происходящее суть пошлое плебейство? Нет смысла. Ответ предвижу следующий: вы мыслите штампами и нечего учить меня жить.

Ну, скандал устроила не я... Я обороняюсь. Но это господам-товарищам не нравится. Их проблема.

Поленко Мария:

Остается всего лишь задать несколько вопросов: действительно ли автору стало легче жить после обнародования этого материала? Чувствует ли автор, что отныне избавился от своих внутренних проблем и жизнь стала чище и светлее? Действительно ли автор считает, что сегодня и сейчас он уже отмылся от помоев?

Послать бы куда подальше эту комментаторшу после ее оскорблений! Но, так уж и быть, отвечу. Да, чувствую, что стало легче! Да, жизнь стала чище и светлей. Да, отмылась от всей той грязи, которую на меня выливали «близкие». В этом есть что-то плохое?

Через некоторое время наша Брунгильда ухватила этот пост Марии Поленко и вступила с ней в разговор.

Брунгильда – Поленко Марии:

Я глянула «по диагонали». Ощущения очень близки к вашим, но с некоторыми дополнениями.

«Есть в нашей русской традиции мнение: сор из избы не выносят на всеобщее обозрение».

В русской. А где сейчас живет автор? И еще – вы не смотрите передачку «Пусть говорят»? Полоскание чужого грязного белья – любимое занятие обывателя и основа желтой прессы.

Да, я в «бездуховном» Израиле. А истинная духовность только в России живет. И еще доброта и сочувствие таких вот Брунгильд. А насчет белья, так это Поленко и Брунгильда тут полощут чужое. А я свое – хочу и полощу. Плохо с логикой, Брунгильда, ой как плохо!

Есть еще одна тема, навязчиво повторяющаяся во многих отзывах и комментариях. Формулируется она примерно так: у меня так не было, у меня хорошая мама или у меня тоже были сложные отношения с мамой, но я не говорю о ней плохо. А далее делается вывод: автор врет, а если не врет, то все равно не имеет право так писать о матери, ведь у нас этого не было или мы этого не делаем. Не знаю, дойдет ли когда-нибудь до этих людей, а их, увы, много, что судить по себе и по собственному опыту можно далеко не во всех случаях. Как бы им объяснить попроще в 738-й раз? А у меня никогда не было воспаления аппендикса. Значит, такой глупости не существует. Ах, у вас был аппендицит? Не может быть, у меня же не было, не морочьте мне голову! И инфаркта у меня никогда не было, у меня здоровое сердце. Поэтому не клеветайте на этот орган, он – хороший и правильный. И голова не может болеть, это же кость. Дошло, наконец? Вряд ли. Ладно, продолжаем разговор с умными читателями, ведь пишу для них.

Многие комментаторы обвиняли меня в том, что я просто мщу. Ах, слова, словеса! Ведь это как назвать явление: можно сказать «месть», а можно – «возмездие». Тут же смысл меняется, правда?

Я – человек неверующий, поэтому для меня слова «Мне возмездие, и аз воздам» – пустой звук. Кто-то воздаст, когда-то и каким-то образом? Не верю. А в том, что за преступлением должно следовать наказание, я убеждена. И если я в состоянии «воздать по заслугам», я это сделаю. В конце концов, я даже не считаю свой ответ адекватным тому злу, которое мне принесли мои персонажи. Что я такого, собственно, сделала? Всего лишь рассказала о том, что они всю жизнь вытворяли. И все! Я – рассказала, а они – вытворяли. Может, все-таки есть разница?

Ах, «нельзя сдавать своих» – причитают иные. Помилуйте, какие они мне «свои»? Самые что ни на есть чужие, хуже лютых врагов! А «своих» я никогда не «сдаю». Ну, а если мои соотечественники такие моралисты и противники «мести», то, будьте любезны, господа хорошие, никогда не требовать смертной казни ни в каких случаях. Ибо что есть смертная казнь, как не месть общества?

Уф, устала я от глупости и от дураков... Спасайте меня, любимые кошки!

Я взяла корм и молоко и спустилась к своим хвостатым. Они всегда полностью завладевают вниманием, и я могу ненадолго отвлечься от тяжелых раздумий и даю бедной голове перерыв на уса-тых-полоса-тых! Они – мои верные друзья. Бандерша Муся, хозяйка двора – тощая трехцветная кошка, вся в боевых ранениях, со взглядом Медузы Горгоны, парализующим даже самых сильных и драчливых котов; ее сын-переросток Вася, большой (вдвое крупнее мамы), ласковый тьюфак, не умеющий ни драться, ни кусаться – единственный кошак, кото-

рого Муся не гоняет, а терпит и даже порой вылизывает; Лисий Хвост – самый культурный и воспитанный котик, черного окраса с белыми кляксами, одна из которых пришлась на самый кончик хвоста, за что он и получил свое прозвище. Муся его почему-то ненавидит больше других, и если он не успевает вовремя исчезнуть, избивает особенно жестоко. Еще в нашем дворе «прописана» Корова черно-белой масти, Чертенята – три черных практически одинаковых близнеца, Рыжий – самый глупый, самый уродливый и самый драчливый после Муси кот и две Полосатки – Первая и Вторая.

Пока не насытится мелкая и тощая Муся, никто не может подойти к еде – опасно для жизни. И я тут ничего не могу поделать: это их законы, и мне не разрешают наводить порядки по нашим, человеческим понятиям. Я могу только наблюдать и иногда утешать побитых Мусей кошек. А сама бандерша, несмотря на жуткий нрав и «злые-презлые глазауси», вполне освоила науку кошачьей лстивой нежности к людям – она подобострастно мурлычет и трется о мои ноги и руки. Ну, чисто домашняя, кроткая киска!

Смешная мысль пришла мне в голову: разве не известную человеческую роль играет в этом дворе Муся? Ведь взяла же она, будучи хрупкой, тщедушной кошкой, верх над всеми: сильными, но глупыми котами, не очень храбрыми интеллигентами, более крепкими и красивыми кошками, которые униженно признали ее лидерство. Муся добила своей цели – она безусловная госпожа, и ее все боятся. Есть в этой кошачьей «социальной психологии» и свои исключения – ну все, как у людей! Для Муси – это ее сын Вася. Он единственный из моих «дворян», кто, похоже, любит и восхищается мамой. Он «припадает» к ней, причем в прямом смысле тоже. Здоровый кот распластывается у ее лап и покорно ждет, когда она то ли подзатыльник ему отвесит, то ли милостиво лизнет в затылок. Если лизнет, он начинает мурлыкать и нежно тереться о ее бока, пока ей не надоеет и она не отвесит ему все тот же подзатыльник. Тогда он покорно отпрыгивает в сторону и следует за матерью на почтительном расстоянии, однако никогда не выпуская ее из виду.

Мушина власть в нашем большом дворе безусловна и безгранична. Любое «инакомыслие» жестоко подавляется, любой намек на бунт очень грубо гасится в самом зачатке с помощью когтей и зубов. Ах ты Муся моя, Муся! Лидер ты неформальный, хвостатый! Знала бы ты, кого мне напоминаешь, скандалистка! Благодаря своему лидерству ты и питаешься лучше всех, и коты все – твои, и территория у тебя о-го-го какая большая и самая в округе уютная и спокойная. Устроилась ты с помощью своего сволочного характера неплохо, ничего не скажешь. Или я ошибаюсь? Почему-то не вижу я в тебе ни спокойствия, ни расслабленности, ни довольства. Ты всегда как натянутая струна, всегда готова к драке. Твои «глазауси» свирепы, а когти постоянно готовы впиться в тело любого, кто тебе не по нраву. Мне кажется, что ты потому и худая такая, что все хорошее питание уходит в натяжение этой самой струны, в нервы, в вечную готовность биться не на жизнь, а на смерть. Зачем же тебе лидерство, Муся? На кой ляд? Ни себя ты не сделала счастливой, ни других...

Жалко мне тебя, Муся. А людей, похожих на тебя, нет. Потому что обязаны они отличаться от дворовых кошек, и другие у них должны быть нравы. А к животным какие могут быть претензии?

– Иди сюда, кошка драная, я тебе еще молочка подолью.

Когда я вернулась от усатых-полосатых друзей, Интернет наконец-то порадовал: на моем форуме появились первые разумные комментарии, от нормальных людей.

Оксана:

А я не согласна со злыми комментариями. Чувствуется выстраданная боль, чувствуются настоящие переживания человека. Да, не повезло с родителями. Это факт. Поэтому и важно такое творчество, чтобы люди читали и понимали, как делать нельзя. Чтобы все видели

разницу между людьми, которые говорят, что верят в Бога, а на самом деле просто ходят в церковь напоказ, и людьми, которые несут добро в этот мир. Непросто быть хорошим родителем, непросто любить, не всем дано. Да, сочинение проникнуто жалостью автора к себе, но можно пожалеть человеку руку уже за то, что нашлась смелость излить это все на бумагу, не держать это в себе.

А люди, которые усматривают в этом самовыставление напоказ и хвастовство достатком, просто неудачники. Не стыдно жить хорошо, не стыдно ездить за границу, не стыдно есть в дорогих ресторанах! Стыдно жить в грязи и не стремиться из нее выбраться!

Вал. Батурич:

Как и все прочие люди, матери бывают разными. Это родители не могут гадости делать своим детям по гроб жизни: они их родили, не спрашивая на то у них разрешения, а главное, воспитали. А уж как воспитали... Поэтому, ругая детей, родители фактически обвиняют себя. А вот дети имеют право на претензии к родителям.

Валентина:

Как ни крути, а вещь довольно-таки провокационная, можно даже сказать, скандальная. Отсюда и реакция читателей. Грубый пример (просто выбран как наиболее нейтральный) – сочинение на тему «Почему мне не нравится Пушкин». Реальная вещь, читала где-то. Так там тоже была дружная и однозначная реакция. Как же, ведь «Пушкин – наше все». Какое же все-таки наше «демократичное» и «свободное от предрассудков» общество еще глубоко консервативное, не приемлющее ничего выходящее за привычные рамки. Есть какие-то постулаты, догмы... Им все следуют, принимают как единственно верные. Ни вправо, ни влево. Но не может все быть так однозначно, категорично. Матери тоже разные бывают. А как насчет тех, что своих детей на помойку выкидывают, душат, топят, как щенят? Тоже их защищать?

Отвечу мудростью древних (своей пока не набралась): «Берегите слезы ваших детей, дабы они могли проливать их на вашей могиле» (Пифагор).

Повторюсь – матери разные бывают. Подарить жизнь не так уж и сложно. Сложно сделать, чтобы твой ребенок, благодаря тебе, полюбил эту жизнь, почувствовал себя в ней нужным, необходимым, единственным, защищенным. Большое умение, терпение и мудрость нужны, чтобы наставить на верный путь. Много сил и любви необходимо вложить в своего ребенка, чтобы он о тебе вспоминал все только светлое, чистое. А не такое вот...

Андрей Д.:

Очень сильное впечатление. Книга, по-моему, многим в тему. Она не для детей, она для родителей. Автор вначале написала, что она не писатель. Действительно, это слишком громкое звание, чтобы самому его себе присваивать. Здесь многие этим грешат. Хорошо, что у Катерины хватает вкуса, чтобы не повторять их пошлости. Вот тут один такой со своими комментариями вылез – я пишу лучше, у меня взгляд глубже, моим друзьям нравится. А он не то что на писателя не тянет, а даже к литературе не имеет никакого отношения по причине безграмотности. Ну, ладно, это к слову.

Я думаю, книга Катерины Шпиллер может стать популярной. Тема архиважная. Затрагивает слишком многих. Написана хорошо, пробирает до печенок. Думаю, вокруг книги еще будут баталии. Моя сестра – ей 17 – сейчас дочитывает, все время прибегает ко мне с комментариями. Придется научить ее пользоваться письменной речью, пусть поучаствует в споре здесь, она девушка начитанная и сообразительная. А наши родители, к счастью, в порядке. Книга не грозит разрушением основ нашей семьи.

Спасибо, Катерина, за усиленное движение шариков в моей голове.

Поклонники писательницы

Давайте немного отдохнем от чтения комментариев к моей книге (а они появлялись и появлялись, каждый день, каждый час, я уже тонула в них) и поговорим об их авторах, о читателях «Мамы». Поначалу я думала, что книгой заинтересуются исключительно те, кто читал Галину Щербакову и, возможно, являются поклонниками ее творчества. Я ошиблась! К ужасу боготворящих Щербакову как писателя, к великому разочарованию многих моих родственников, которых Галина Николаевна еще при жизни сумела убедить в том, что она – классик и весь народ изучает ее творчество, вынуждена сообщить: писательницу Щербакову знает не такое уж большое количество людей. Соотношение знающих и не знающих Щербакову (сужу только по письмам и комментариям, которые я получила на свою книгу) – примерно 1 к 10. Основная масса клюнула не на имя писательницы, а на заявленную тему. Почему я так уверенно об этом заявляю? Да потому что сами читатели признавались в этом чуть ли не в каждом письме! И большинство корреспондентов не обсуждали Щербакову-писателя, они воспринимали ее лишь как мою мать, человека, которому посвящена книга. Ее творчество этих людей вообще не интересовало.

В центре повествования была Щербакова-мать, а не Щербакова-писатель. Если бы она была учительницей или инженером, книга была бы в точности такой же. Недоброжелатели орут: «Ты именем матери привлекла к себе внимание!» Мимо, господа! Читателей привлекла именно тема. Если 9 из 10 не знают писательницы Щербаковой, то, скажите на милость, каким образом ее имя могло привлечь? Читатели признавались, что не знают Щербакову, но им важна и интересна именно тема, которая заставила их вспомнить свою жизнь, анализировать, думать и в результате искать и находить выход из того положения, в котором они оказались. Более того: именно благодаря моей книге, многие впервые прочитали Щербакову, а потом делились своими впечатлениями, очень даже разными. Так что это я в каком-то смысле сделала своей матери-писательнице недурную рекламу. Теперь о ней знает намного большее число людей, чем прежде.

Зависть... Такое в России знакомое, понятное и привычное многим чувство! С каким энтузиазмом «критики» бросились обвинять меня в том, что моя книга – это проявление дикой зависти к успешной матери. Боже мой! Даже будучи законченной мизантропкой, я бы не могла предвидеть подобный поворот грязных мыслей в иных извращенных мозгах. Аж страшно стало!

...Помню, что, когда вышла первая мамина книга, я была самым счастливым и гордым на свете человеком. И каждый новый мамин успех я воспринимала как свой личный. Всем подругам и просто знакомым я с гордостью рассказывала о маме, о ее творчестве, подслушав мамини беседы, рассуждала, как взрослая, об издательской «кухне»... Какая там зависть? Представить подобное для меня столь же дико, как узнать о зависти матери к дочери за молодость и красоту. Я вообще не понимаю, как такое может приходиться людям в голову! Ведь успех родного человека – это радость большая, чем собственный успех, именно так я всегда и чувствовала, и думала. Но людская молва и злоба в комментариях заставили меня задуматься о жутком явлении: зависти друг к другу близких людей.

Судя по тому, как много и часто о подобном говорили «гости с других планет», это не такая уж и редкость в местах их компактного проживания, например, на одной шестой части суши (или теперь одной седьмой?). Я лихорадочно перебирала в уме все хорошо знакомые семьи, пытаясь отыскать признаки этой самой болезненной зависти у родителей к детям, у детей к родителям... Тщетно. Среди друзей такого не было ни у кого. Я начала шерстить в памяти не столь ближний круг... Мимо. Вспоминала семьи очень известных людей, о которых много писали, рассказывали. Детям звезд из разных областей искусства, литературы, кино

приходилось выдерживать массу неприятных наскоков вроде заявлений, что на детях природа отдыхает. Им часто было тяжелее в профессии, чем родителям, тем более если они выбрали фамильную стезю. Но я опять же не могла припомнить ни одного случая, когда хоть у кого-нибудь проскакивала эта гнусная зависть! Всякое бывало: обиды, непонимание, ссоры, полные разрывы... Но зависть нигде себя не проявляла! И даже самые скандальные, желтые публикации никогда никого в подобном не обвиняли.

Нет, значит, это не рядовое явление. Это просто извращенная мораль тех конкретных комментаторов, которые набросились на меня именно с таким диким обвинением. Это характеристика их личностей, их натуры, свидетельство страшных языков пламени, что поджаривают изнутри этих несчастных, но очень плохих людей. Тот пожар как раз и называется завистью, которая долгие годы гложет авторов «Самиздата». Ведь в 90 процентов случаев именно эти графоманы со своим излюбленным «гыканьем» закидывали мой форум фразами «Да вы просто своей матери обзавидовались!». А я цепенела от ужаса и неправдоподобия происходящего. Насколько же черна душа у этих людей! Как много в ней грязи, мусора, шлаков! Какими мутными глазами они смотрят на мир! Как же плохо живется вот таким, не знающим, что такое радость и гордость за родных людей, добившихся успеха... Оказывается, бесполезно даже пытаться объяснять. Они не могут, не в состоянии понять.

И наконец, о последнем десятилетии жизни моей матери, вернее, творчества писательницы Галины Щербаковой. Сколько раз, читая ее книги, написанные в этот период, я шептала: «Мама, остановись и не пиши больше». Ей уже давно не удавалось сказать ничего нового своим читателям, она топталась на одном месте, а потом, как это бывает в таких случаях, ее писательский дар стал уходить. Читать ее последние вещи стало неприятно и грустно. Увы, замечала это не только я. Какая уж тут зависть? Только огромное сожаление об утраченном таланте.

Но было бы нечестно не рассказать о тех, кто все-таки обожал Галину Щербакову и пришел ко мне со «святой» миссией защиты чести любимой писательницы. Таких было совсем немного: из тысяч сообщений и писем от поклонников писательницы лишь семь (!) были по отношению ко мне критическими, но без брани, деликатными и достойными нормального разговора. Все остальные заступники накатали хамские комментарии, иногда с матом (мать тоже любила крепкое словцо, особенно после рюмочки), проклятиями, гнусными оскорблениями. С теми семью у меня, в конце концов, получился нормальный диалог, и мы расстались, если и не переубедив во многом друг друга, то все равно с взаимным уважением.

Но прочие... В реальной жизни таких можно и нужно было бы просто спустить с лестницы, ибо любой из них напоминал нетрезвого деревенского буяна с красной физиономией, врывающегося в дом с дубиной в руках и грязной бранью на устах. Вот они – читатели и почитатели Щербаковой. Шокирующее для меня открытие. Об этом стоит подумать – что бы это значило?

Ох, как замучили меня «критики» своей глупостью! Это ж надо – придумать аргумент: она (Шпиллер) использовала имя матери, потому что кто б читал ее книгу, если бы мать не была известным человеком, а была бы простым бухгалтером Марьей Ивановной. Как говорится, «ума нема, считай – калека». Я не буду снова пускаться в рассуждения и подсчеты, сколько людей знало, а сколько понятия не имело об «известной всему миру писательнице». Скажу о другом. Да, если бы моя мать была бухгалтером Марьей Ивановной, книги просто-напросто не было бы по одной простой причине: отсутствовал бы главный побудительный мотив для ее написания. Вряд ли Марья Ивановна накропала бы злобные повести, в которых выплеснула все свои черные мысли и чувства ко мне и моим близким. А если бы даже и написала, то вряд ли это кто-нибудь бы опубликовал. И я не прочитала бы подлых и мерзких книжек, и не поднялась бы в душе уже самая последняя волна протеста и гнева, то есть не было бы этой самой последней капли, окончательно переполнившей чашу моего поистине ангельского терпения. Да и вряд ли у Марьи Ивановны нашлись бы такие «припадающие», чтобы посвящали ей целые страницы

своих ЖЖ. Таким образом, вдалеке от своей маменьки-бухгалтера я вообще лишний раз и не вспоминала бы о ней, а уж тем более писать мне бы и в голову не пришло.

У некоторой части «защитников чести» если и не было откровенного хамства, то чаще всего встречались скудно-однообразные рассуждения, нередко косноязычные, примитивные и до зевоты похожие друг на друга. Усредненный портрет таких поклонников Галины Щербаковой выглядит следующим образом: дама, чаще постбальзаковского возраста с несложившейся жизнью, как личной, так и профессиональной, дурно образованная, но с дипломом о высшем образовании, мало читавшая хорошую литературу (это всегда заметно по стилю и слогу), материально зависимая и живущая очень даже скромно на свои скудные средства. Для таких, не самых счастливых женщин действительно нужна «утешительная» литература, например, в виде книг Щербаковой. Пусть у них будет свой «сон золотой», который им необходим, как воздух, своя надежда, своя Библия, свой молитвенник и своя «святая»... Пусть.

Но терпеть их агрессию, безапелляционность и самоуверенность я не намерена.

Приведу одну из переписок с такой поклонницей.

Оля Тарасова (имя изменено, так как я запретила себе рекламу неудобоваримой «литературы». – Прим. автора):

Я со школьного возраста знаю книги моего любимого писателя Галины Щербаковой, с того момента, как впервые посмотрела фильм «Вам и не снилось». Целая книжная полка уставлена ее романами. А тут в Интернете открыла страницу с сочинением Екатерины Шпиллер.

Первая реакция: не читать! Потому что ясно, что скандальное, грязное, порочащее... Второе чувство: интерес к персоне дочери. Как сильно надо было ошибиться в воспитании ребенка, чтобы этот ребенок потом взял и накропал на тебя публичный донос? В чем же вы ошиблись, Галина Николаевна? Для того чтобы понять, почему дочь умнейшего и глубочайшего человека пошла на эту публикацию, решила, что читать буду.

Читая, была уверена: не буду комментировать. Не буду погружаться в эту дрязгу, в эту болезнь, в эту яму. Остановилась на середине: в принципе все ясно, читать дальше – себя мучить. Потом глянула комментарии и завелась. Захотелось написать самой. Для того чтобы написать, надо прочитать до конца. Села читать. После прочтения – сейчас – плохо. Голова тяжелая, ощущение, что мешки с песком таскала. Но есть и чувство удовлетворения: как после трудного, но правильного дела. Столько лет я получала энергию от любимых книг Щербаковой, что теперь пришла пора хоть в крошечных дозах, но поделиться с ней своей.

Конечно, хочется ругаться. Хочется оскорбить, обидеть и сделать больно – как во время дворовой драки. Но драки нет. Оскорблений не будет. Будут мысли, которые возникали при чтении.

Насколько я поняла из сохраненных комментариев, все отклики на ваше сочинение, не выражающие сочувствия, симпатии и восхищения Екатериной Шпиллер, удаляются (я действительно стала удалять некоторые комментарии, но не критические, а хамские, содержащие площадную ругань, что вызвало бурные протесты наглецов. – Прим. автора).

Я кину вызов: если есть в вас хоть какие-то зачатки честности, попробуйте не удалять мое письмо. Должна же быть какая-то альтернативная точка зрения восхвалению ваших талантов.

Итак...

«Прямая речь в воспоминаниях – всегда вранье». (Анна Ахматова)

Самое ужасное во всем этом то, что вы искренне верите в то, что пишете. И настолько заигрываетесь, что создаете целый миф, целый мир, в центре которого вы – гонимая, презируемая, нелюбимая. Я читаю ваше сочинение и не могу понять: а в чем проблема? Для меня – «дело» изначально закрыто из-за «отсутствия состава преступления». Нет ни одного криминального факта, есть только ваше болезненное восприятие, которое, уверена, в полную силу

проявилось лишь при написании сочинения. Плохо одевали в 70-е годы? Не нагружали тяжелой домашней работой? Не научили готовить? Вы на это жалуетесь?! Это свидетельство родительской нелюбви???! По-моему, самое страшное преступление, которое совершила ваша мать в вашем детстве, – новогодний бойкот. Согласна: это страшно.

Возвращаясь к своему детству, думаю: а ведь я бы тоже могла целый опус написать, вспомнив, как мама меня в 5 лет по задку шлепнула за то, что ее лаком ногти накрасила, или как она меня в 6 лет – жестко – отучала врать – отучила. Да мало ли что было! И, можно запросто представить, как я – тонкая и ранимая девочка – трагично приняла этот шлепок по задку, как жизнь раскололась на «до» и «после». Я могу – на спор – страниц на семь развести эту трагедию – только любой адекватный читатель моего труда так и не поймет, а в чем, собственно, проблема. Так же и в вашем случае. Нет предмета обсуждения.

«Мама была убеждена, что у меня должен быть дар. Что от меня все должны ахнуть. Что я – самородок, который нельзя не заметить».

Это не любовь?

Сколько раз мне говорила мамочка: «Ты – красивая, а уж когда вырастешь, совсем станешь очаровашкой!»

Это не любовь?

«Ничего, доча, прорвемся. Ты у меня умница, у тебя есть я, папа, все у нас будет хорошо».

Это не любовь?

И т. д.

«Религия. Когда мама ударилась в религию, я тоже с уважением и интересом стала смотреть в ту же сторону... Мое отношение к сему известно. Но зрело оно внутри меня долго, тихо, не смея поначалу возникать и проявлять себя. В конце концов, я, конечно, не выдержала и все-таки произнесла нечто вроде „Бога нет!“. Мама меня не побила, нет, она обреченно вздохнула: „Что ж, у каждого свой путь...“

Кстати, любимая фраза всех религиозных лицемеров и ханжей, подразумевающая, что в результате все равно каждый придет к Богу.

А вам хотелось какой реакции? К чему этот отрывок? Я-то приготовилась прочитать о том, как вас молиться заставляли и перед иконой на колени ставили.

Как вам не стыдно? – не могу я удержаться от этого пафосного вопроса. Не перед матерью, нет, об этом другой совершенно разговор. Как вам не стыдно перед теми, у кого действительно было несчастное детство?! Посмотрите в глаза сирот, почитайте о бездомных детях и о детях нищих, и, может быть, тогда вы выйдете из своего надуманного образа, в котором вам сейчас так уютно и вольготно?

«А я, как дура, и так, и эдак старалась уткнуться родной маме в халатик и по-женски, или даже по-детски, пожалобиться ей, спросить совета, рассказать о своих переживаниях. Я все еще пребывала в наивной вере, что мама – это самый родной человек, что она любит меня и всегда готова по крайней мере выслушать и пожалеть».

А ведь вы к описываемому моменту уже взрослая женщина! У вас уже почти взрослая дочь! Если до 37 лет вы выросли в вере, что вы любимы своей матерью – тогда о чем это сочинение?! Вот главный вопрос!

В общем-то с трудом, но я дочитала до конца это произведение «по диагонали». Но, прочитав все-таки, я ответила на главный для себя вопрос: зачем это писалось. Дочь известной писательницы, которая особыми талантами не блистает и никак в жизни – масштабно – себя не проявила, на работах не работала, а маялась всю жизнь от безделья и депрессий, после сорока сделала шаг навстречу своей карьере. Используя громкое имя матери, она опубликовала скандальные и оскверняющие мемуары о ней. Повезло ей гораздо меньше, чем другим звездным отпрыскам, у которых родители вели разгульный образ жизни. Не удалось ей рассказать ни о материнских любовниках, ни о пьяных материнских скандалах, ни о наркотической зависи-

мости, ни о других прегрешениях, потому что их не было. Довольно бедным материалом для скандала оказалась жизнь писательницы Галины Щербаковой. Поэтому проблемы в принципе высосаны из пальца.

Без уважения, но с большим сочувствием к нездоровой вашей голове.

Автор:

Оля, это ваша проблема, что у вас чужая боль не вызывает понимания, ваша проблема, не моя. Вам мои страдания и болезни – орешки, это ваше право. Но вот сообщать всему миру о своем душевном дефекте, право, странно. У кого-то было несчастное детство, голодное, сирое... И что? Это должно делать меня счастливее? Вам, оказывается, виднее, любила меня мать или нет. Мою болезнь вы «не заметили». А в конце про «нездоровую голову» вдруг высказались в уничижительном смысле. Спасибо. Я посмотрела бы на вас, если б кто так походя «проехался» по вашей какой-то болезни.

Злитесь? Ну, злитесь дальше. Заново писать все то, что написано в книге, я не буду. Меня не любили, у меня было несчастливое детство. Все. Когда я выросла, когда встретила свою любовь, мать меня предала. Об этом 240 страниц компьютерного текста.

Мудрой и талантливой я свою мать не считаю. Про мои «таланты» – судить не мне, но и не вам. А время все расставит по своим местам. Не будет Щербакова «писателем на века», не будет. Нет для этого никаких оснований. А была бы она обычной учительницей, к примеру, я написала бы точно такую же книгу. При чем тут ее популярность, кстати, сильно преувеличенная вашим воображением? Вы просто ничего не поняли из прочитанного. Оправдываться перед вами не буду, ни от одного слова в своей книге не откажусь. И не позволю больше никогда порочить ни себя, ни моих любимых людей. А Щербакова последние годы только этим и занималась. Она получила по заслугам. Даже если бы она была по уровню дарования Львом Толстым, это не дало бы ей права так себя вести.

Для меня истина в том, что она была плохим человеком и, как показало время, еще и не очень умным. Вы ее поклонница, потому для вас это все дикость. Самое разумное, что вы могли бы сделать, это сдержаться и не высказывать все то, что высказали. Но книги Щербаковой не сеяли «разумного, доброго» и не научили вас ни деликатности, ни сочувствию. Что и требовалось доказать. Спасибо за еще одну гирьку на эту чашу весов.

Такто:

На мой взгляд, в ситуации нет ничего трагичного. Фактически – наоборот.

Часто ли дети пишут о своих родителях отрицательные книги? Нечасто.

Выиграет ли культура в целом и психология в частности от появления такой книжки, расширяющей пространство общепольного опыта? Выиграет.

Нанесет ли это действительный ущерб чьей-то репутации? Нет, поскольку в наше время понятие репутации стало очень расплывчатым.

Принесет ли это пользу описанным персонажам? Принесет, ибо стимулирует их закрепленность в культуре через проблемность, что с ними связана.

Надо ли поэтому слишком расстраиваться, что на кого-то смотрят с не самой выгодной стороны? Не надо.

Конечно, хотелось бы, чтобы о родителях дети говорили только хорошее. Но раз уж не получилось, то так тому и быть. Ведь те, кто скажет хорошее, тоже не исчезают. А общее пространство опыта только растет.

Оля Тарасова:

У меня один только вопрос остался. Ответьте на него, Катерина, пожалуйста. Зачем вы опубликовали это сочинение?

Автор:

Много раз на него отвечала, ответу в сотый раз: во-первых, это было нужно мне, чтобы высказаться, выплеснуть многолетнюю боль. Чтобы выздороветь и жить дальше. Во-вторых, необходимо было защитить себя и моих любимых людей – мужа и дочь, на которых из-под пера Щербаковой и из ее рта лились потоки нечистот. Я должна была сказать правду, чтобы противостоять подлой клевете и лжи.

Оля Тарасова:

Выплескивание боли потребовало не только написания, но и обнародования семейных скандалов?

Автор:

А как вы думали? Просто писать, что, мол, это неправда, не слушайте ее? А аргументы? Она же, по определению, была сильнее меня и весомее в обществе. «Кто сеет ветер, пожнет бурю».

Оля Тарасова:

Удивительно, что способ вашего самолечения – выздоровление за счет уничтожения другого человека. А может, и неудивительно.

Автор:

Много лет уничтожали меня. Я – не Иисусик. И так долго терпела. Непростительно долго.

Оля Тарасова:

Романы Щербаковой, насколько мне известно, никогда не претендовали на документальность и воспринимались исключительно художественными произведениями. Ни одного упоминания именно о ее дочери или других родственниках я при всем желании вспомнить не могу. В романах, написанных от первого лица, образ дочери достаточно светлый.

Автор:

Очернить реальных людей можно и художественным произведением. Светлый образ дочери? Читайте «Степь израильскую», «Эдду кота Мурзавецкого» и еще много-много чего. Мне уже писали читатели, что как раз всегда удивлялись, почему в ее книгах такие ужасные дочери и никогда не описана любовь матери к дочери. . . Вы – невнимательный читатель, даром, что поклонник.

Reader:

Извините, Катерина, не смог смолчать, отвечаю Оле Тарасовой, которая, правда, обращалась к вам. Но у нас здесь публичная дискуссия, поэтому я правил не нарушаю.

Первое и самое главное. Оля Тарасова книгу Катерины не читала. Может, пробежалась по диагонали. Не верю, что интеллектуально развитый человек может быть настолько нравственно слепым. Ум и начитанность в сочетании заставляют, прежде чем делать выводы, постараться поставить себя на место человека, которому хочешь возразить, с которым хочешь поспорить. Это норма. Вне нормы – вытаскивание цитат из контекста и замалчивание неудобных вещей.

Если бы Оля Тарасова внимательно прочитала книгу, если бы дала себе за труд взглянуть хотя бы бегло на некоторые из тысяч комментариев, она бы не стала опрометчиво утверждать, что все критические высказывания Катерина стирает. Это не соответствует действительности. Видите, я не употребляю слов «ложь», «вранье», «очернительство», потому что оскорбление

оппонента является не доказательством в споре, а обыкновенным хамством. Катерина очень долго и совершенно напрасно терпела хамские выпады в свой адрес, пока, наконец, не решилась блокировать сквернословов, не предоставлять им собственную трибуну.

Но, как известно, обидеть можно не только бранным словом. Можно обидеть душевной черствостью, декларируемой как правило жизни. Что, собственно, и демонстрирует тут Оля Тарасова. Катерина кричит о своей боли, о покалеченном детстве, о незаживающей, увы, до сих пор душевной травме, а Оля Тарасова ее поучает: не должно у вас ничего болеть, у меня ведь не болит. Тут уже не один раз высказывались в том же духе. Только раньше это были в основном примитивные комментаторы, плохо образованные и слабо владеющие логикой. Но всех их, вместе с Олей Тарасовой, которая на первый взгляд выглядит интеллектуалкой, роднит одно общее свойство – нравственная глухота или слепота, в любом случае нравственный дефект. Все они не чувствуют и не хотят, а многие и не могут, со-переживать, со-чувствовать, со-страдать. Вот и вытаскивают из всей книги только то, что им доступно или удобно: ах, подумалась, девочку плохо одевали, ах, подумалась, бойкот ей объявляли, меня тоже по попе шлепали, а я о своей матери плохо не пишу.

Если других единомышленников Оли Тарасовой можно было бы упрекнуть в скудоумии и неразвитости, из чего проистекает полное непонимание темы книги, то Олю Тарасову в этом не упрекнешь. Она, судя по текстам, развита и логически мыслить умеет. И если она применяет те же примитивные доводы, что и недоумки, пытаясь очернить автора книги, значит, она это делает намеренно, специально не замечая главного. Ей плевать, что книга отозвалась болью в сердцах тех читателей, кто сам имел несчастье стать жертвой родительской нелюбви. Ей плевать, что в Интернете уже полгода на многих сайтах бушуют страсти вокруг этой замалчиваемой ранее темы, что создаются форумы, посвященные книге Катерины Шпиллер.

А вот творчество Г. Щербаковой тут проходит десятой темой. Смысл обсуждаемых проблем не в ее писательстве. И между прочим, большАя (если не БОльшая) часть читателей Катерины не читали раньше Г. Щербаковой и даже не слышали такого имени.

Думаю, на этом мы и закроем тему «Влияние популярности Щербаковой на успех книги Шпиллер». Впоследствии я еще приведу аргументы, которые, безусловно, убедят вменяемых людей в том, что главным манком книги оказалась тема, а не имя, как выяснилось, многим до того не известной писательницы. А вот феномен того, кто и как вступался за Щербакову, что это за люди, каков их умственный и моральный уровень, мы еще, возможно, обсудим. Ибо даже для меня многое оказалось в новинку. Ну, ей-богу, не ожидала я, что поклонники моей матери – столь недалекие и недобрые существа, не способные ни мыслить, ни сопереживать, ни анализировать. По моему скромному мнению, это в значительной мере характеризует и писательницу Щербакову. И еще раз я убедилась в правильности моих оценок ее личности. За что, разумеется, огромное спасибо «заступникам», несмотря на все то хамство, которое они обрушили на меня.

Помню, когда мать стала более-менее известной, как водится, к ней пошли «ходоки» – поговорить, рассказать свою историю, получить мудрый совет, «припасть». Как я понимаю, такое случается со всеми людьми, становящимися хоть чуточку популярными, – закон жизни, обусловленный неизбывной человеческой потребностью поговорить с «авторитетами». А эта потребность, в свою очередь, следствие неумного людского тщеславия. Ну, да ладно... Вернемся к «ходокам». Меня еще в детстве немножко удивило, что в основном это были очень простые люди (той простотой, которая хуже воровства). То есть формально они, возможно, и принадлежали к «прослойке», но по существу... Какие-то неустроенные, убогого вида тетки, потрепанные и неухоженные мужички. Приятные и светские интеллектуалы появлялись крайне редко и только единожды, второго их прихода в наш дом, как правило, не бывало. В ранней юности я не могла никак себе объяснить, почему так происходит. Впрочем,

честно признаюсь, даже не способна была сформулировать это свое недоумение. Это были еще не мысли, а чувства, ощущения.

На уровне тех же ощущений возникало непонимание: для чего нужен успех, если круг общения остается убогим, серым, скучным, если не меняется вообще ничего? Моих злобных критиков прошу не наострять уши – я не имела в виду материальное благополучие. Да, тогда у нас появилась новая мебель и что-то там еще. Но в нематериальной сфере не изменилось ничего! Жизнь не стала ярче, в нашем доме не стали собираться интересные компании, мы никуда не стали ездить или выходить – как сидели сиднями дома, так и продолжали... Тогда я думала, что это, видимо, и называется «достойно нести бремя успеха». Такие вот мы – выше всего этого! Но зачем нам эти «ходоки»?

Уже тогда я опять не умом поняла, а почувствовала, что матери это нужно, ей это очень нравится. Она купалась в восхищении убогих бедолаг, питалась их славословиями «великой» писательнице, наслаждалась своим участием в их судьбах, выражавшимся в щедрой раздаче мудрых советов из заоблачного высокока. Так она поднималась и в собственных глазах. Мать кроила себе репутацию идола, к которому «припадают», и в итоге скроила платье «выдающейся мыслительницы и целительницы человеческих душ». Правда, крой оказался как по лекалам провинциальной портнихи. Об этом я тоже рассказывала в «Маме».

Так вот, очень многие поклонницы творчества Щербаковой, решившие биться со мной за ее «честь», напоминают тех давних «ходоков» – по убогости мыслей, полуграмотности, штампованности высказываний. Правда, «ходоки» не были агрессивны, но, полагаю, лишь потому, что мать всегда их гладила по шерстке, ласкала и кормила с рук. Не верю, что убожество может быть добрым и гуманным. Во всяком случае, никогда не встречала.

...Сама себя перебью и ударю по губам, то есть по рукам. С моей стороны было бы очень некрасиво не сказать о тех людях, которые были и остаются поклонниками творчества Щербаковой, но при этом поняли мою боль, приняли мою книгу и не написали мне ни единого плохого слова. Их очень мало (помните? семеро!), но они же есть! Простите меня, дорогие, за все предыдущие слова. Я погорячилась, эмоции – плохой помощник в работе. Я помню вас всех – Инна, Татьяна, Анжела... Вы были деликатны и умны в своих письмах, вы ни на секунду не отrekliсь от своей любви к книгам писательницы, но у вас нашлись и для меня добрые слова поддержки и сочувствия. Вы хотели понять... Понять, почему так произошло, что случилось с хорошей писательницей, что она оказалась плохой матерью. С вами было интересно беседовать, и я вам очень благодарна за ваши письма.

Скажу то, что вам, наверное, не очень понравится: книги Щербаковой вас не смогли испортить. Простите за этот пассаж, готова вновь вступить с вами в полемику. Можно даже конкретно по поводу каких-то произведений Щербаковой. В любом случае общение с вами – подарок.

А между тем основная масса недалеких хамов честно признавалась, что прежде не читала Щербакову, но они – борцы за идею. А вот за какую – вопрос открытый. И есть ли идея вообще? Или просто все те же злоба и зависть, о которых мы уже упоминали?

Моральное насилие? Не морочьте голову!

*И чтоб не краснеть за себя дураку,
чтоб каждый был выделен, каждый,
на каждого умного – по ярлыку
повешено было однажды.*

*Давно в обиходе у нас ярлыки —
по фунту на грошик на медный.
И умным кричат: «Дураки, дураки!»
А вот дураки – незаметны.*

Булат Окуджава

«Поселившись» в Сети на долгое время, я узнала про Интернет много нового. Например, про существование клонов и троллей. Ну, если с клонами все более-менее ясно (это те, кто подписывает свои комменты разными именами), то тролли – явление чрезвычайно любопытное. Это такие пакостники, которые суются к людям на форум, чтобы безнаказанно сказать гадость, обхамить, устроить свару. Они обожают довести своими подначками и хамством новичков, вроде меня, до белого каления, чуть не до инфаркта, до срыва – и потом любоваться плодами своих трудов: вот, мол, смотрите! Она ругается! Она – хамка. Она знает плохие слова, гы-гы-гы! Вот это «гы-гы-гы» – непременно и обязательно! Способов борьбы с троллями всего два: либо полное игнорирование (они очень болезненно это воспринимают и быстро стухают), либо забанивание, то есть блокировка их возможности вообще появляться у тебя на страничке. Я опять должна вернуться к размышлению о некоторых особенных людях, чью мотивацию, мировоззрение и мораль мне не постичь никогда! Сколько бы я ни думала, ни искала ответы на свои вопросы, понятнее мне не становится. Что же это за сорт людей, которым нравится или даже жизненно необходимо непременно прийти в гости к незнакомому человеку и устроить в его доме дебош, переколотить всю посуду, разбить зеркала и люстры, обматерить и удалиться с чувством глубокого удовлетворения.

Может все-таки, это тоже родовая черта «гомо советикус»? Хотя нет. Был же еще Передонов из «Мелкого беса» Ф. Сологуба. Они такие же. Полное пренебрежение нормами приличия, нежная любовь к базарному хамству, стремление унижить человека, который им лично не сделал ничего плохого, но унижать и оскорблять которого безопасно. Эти «гомы-гоминиды» приходили на мой форум лишь для того, чтобы сделать там такие, например, записи: «Ты – сука, чтоб ты сдохла!» или «Тварь завистливая, ни таланту у тебя, ни мозгов, ни совести».

Даже лукавить не буду: поначалу очень огорчалась, пугалась, чуть не плакала. Но потом такая «мозоль» выросла, что стало даже весело. И более того, еще раз убедилась в своей правоте. Ведь если тебя ненавидят подобные гоминиды, значит, твоя позиция моральна и нравственна. В общем, скажи мне, кто твой враг... Не знаю уж, кого могут порадовать такие друзья.

Но поначалу я этого всего не знала и, как дурочка, вступала в полемику с теми, кому важен не спор, не отстаивание собственного мнения, а просто склока, ругань, скандал. Эдакие коммунальные паразиты, которые, к собственному прискорбию, живут уже не в коммуналках и не могут реализовать свой богатый потенциал подонков на общей кухне. Правда, надо отметить, бывают и тролли идейные: я тролль и тем горжусь, поэтому с самоназванием они не заморачиваются, а так и пишут о себе – Тролль.

Однажды появился такой персонаж у меня в форуме. Не откровенный хам, нет. Он хотел меня «убить» очень показательным примером, аргументом, который и до него, и после приводили все те, кто привык мыслить штампами.

Троль:

Не видели вы дурных матерей. Потому и зло берет. Есть ведь они, есть! И много их, дурных. Поэтому и зло такое берет. Почитают по-настоящему обиженный родителями, и заболит у него так, что истины не видит: не товарищ вы ему по несчастью, а лицемерная паразитка на его больной душе. Потому что у него болит по-настоящему, потому что он страдал и страдать продолжает, а вы страдали не от деспотизма родителей, а от собственной дури.

У вас не факты, у вас сплошные обиды разбалованной дочери, которые вы регулярно выдаете за издевательство матери над вами. Хотите четкую и аргументированную позицию? Хотите логику и факты? Держите. Но простите тогда за многословие.

История не моя – моего двоюродного брата. Наши с ним матери (царствие обеим небесное) были родными сестрами. У обеих сестричек характеры не сахар, но в совершенно различных, как оказалось, направлениях. Братец мой исчез много лет назад. Просто пропал, и никаких следов. Ах, как его родители убивались – надо было видеть! Оно и понятно: родная кровинушка потерялась, первенец, любимец. Родители всех вокруг убеждали, что сын мертв.

Оказался жив. Нашелся два года назад, причем уже после смерти матери. Теперь мы с ним рядом, близки так, как я не была близка с родным братом. Выяснилось, что все эти годы мать знала, где сын: он предупредил ее за месяц до отъезда, что не станет с ней жить, как только окончит школу. Она знала даже, в каком городе он находится, и с пеной у рта запрещала своей сестре, моей матери, искать его там (моя мама жила намного ближе к этому городу, чем его родители, ей было бы легче его разыскать). Теперь, когда он нашелся (хвала Интернету), стала известна история этой «приличной семьи». Не буду описывать здесь все ужасы: их было много. Самое основное: ежедневно на ужин покупалось две буханки хлеба и пара бутылок водки, на большее денег не хватало. Что такое постельное белье – сын уже не помнил. Матперемат, ненависть матери, для которой сын – лишь раздражающий фактор, драки с отцом. Это за закрытыми дверями. При открытых, т. е. при гостях – само радушие, сама интеллигентность, само обаяние. Едва получив аттестат зрелости, сын молча уехал из дому. Построил свою жизнь с нуля. Сказать, что было тяжело – ничего не сказать: ни образования, ни опыта работы, ни денег – ничего. Выжил. Стал таким мужиком – дай бог каждой женщине такого мужа. О родителях – ни единого теплого воспоминания, но в то же время ни единого худого слова. Все в себе держит – я клещами вытягивала из него хоть какие-то подробности. Только теперь понемногу начинает отходить.

Вот вам аргументы, вот вам факты, вот вам логика.

Подобных «аргументов» было немало и от других «туголицких» читателей. Кого-то из детей били, кого-то плохо кормили, кто-то от безвыходности из дома убежал... Что тут скажешь? Люди понимают, что жрать водку – плохо, бить детей – нельзя, морить их голодом – тем более. Но если всего этого не было, то какое право я имела жаловаться? Какое право я имела чувствовать себя плохо? Какое, черт побери, право я имела не быть счастливым ребенком? Диагноз таким «мудрецам» ставлю все тот же: «совок» в тяжелой стадии. Что такое моральное насилие – людям неведомо. Впрочем, как и само понятие «мораль». Что психика ребенка, да и взрослого человека, это такой же орган, как и рука, нога, желудок, голова. И ее, психику, тоже можно успешно калечить, делая человека инвалидом, – это вообще за пределами понимания «совка». Не голодала? Родители не били, не насиловали? Значит, врешь, паскуда, наговариваешь на хороших людей. А уж объяснение, что все люди – разные и по-разному реагируют на вроде бы похожие ситуации, – так это для гоминидов вообще полная ересь. Вести с ними

беседы на своем уровне – все равно что питекантропу объяснять таблицу умножения. Озверевает ведь, сожрет...

И еще, очень важное: многие писали о том, что родители их били. При этом, естественно, моральное насилие тоже цвело махровым цветом. Так вот, эти несчастные люди, вспоминающие свое детство как самый лютей кошмар, ни разу не сказали о моей книге ни одного дурного слова. Те, кто на самом деле пережил и моральное, и физическое насилие, кто страдал и по сей день несет в себе страшную боль, не могут обрушиться с бранью на человека, кричащего от этой боли. Они меня поняли, они приняли мой крик как созвучие их душевному тихому стону. Те же, кто обрушился на меня с руганью, ничего подобного в своей жизни не испытали, пусть не лгут. И возникает страшненький вопрос, вымораживающий меня изнутри до могильного холода: неужели человек устроен таким образом, что сострадание и сочувствие в него можно вбить только жестокостью и бесчувствием? Неужели мы, люди, настолько гадкие существа, что при благополучной, счастливой жизни становимся аморальными, равнодушными скотами? Какой ужас! Огляделась вокруг: нет, к счастью, существуют и другие люди. Может быть, они и есть истинные гомо сапиенс, а те, от кого я прихожу в ужас, относятся к какому-то другому биологическому виду. В России, например, это «совки».

Моральное насилие – нонсенс в глазах «совка», полная чушь, абсурд. Нет такого явления и быть не может. Мораль гоминида не болит и не может болеть. Пока «совки» не получат элементарных знаний о человеке, о его психике, пока в обществе будет господствовать мракобесие и отставание от развитого мира на век, а то и более, объяснить, что такое моральное насилие и что оно ничуть не менее опасно, чем физическое, мягко говоря, затруднительно. Тупик. Поговорим лет через 100. А может, и позже...

Невидимые миру слезы

Постепенно мое состояние становилось все более удрученным. Несмотря на то что хорошие отклики шли и количество их не уменьшалось, поток брани меня угнетал. Я никак не могла понять, что происходит, почему эти люди настолько близко принимают к сердцу написанное мной... Или они просто ненавидят меня какой-то иррациональной ненавистью? Непонятно, за что. Или они сами негодные родители, узнавшие себя в образах моих отца и матери и смертельно испугавшиеся возможного возмездия от детей? Кстати, очень даже возможно...

Пошла к кошкам.

Когда я выхожу, они всегда уже сидят в полной готовности к принятию пищи неподалеку от подъезда и гипнотизируют дверь. Муся и Вася прямо рядом с входом, остальные поодаль, на безопасном от Муси расстоянии. Когда я выхожу, главная задача дойти до ближайшей скамейки и не быть сбитой с ног бросившимся навстречу пушистым тараном. Это кошки таким образом меня приветствуют: с дикой силой трутся о ноги, не считаясь с тем, что вообще-то я пытаюсь идти... Они мяукают на разные голоса, кто жалобно, кто требовательно. Они ждут обеда (ужина).

Мне хорошо с ними, спокойно. Только в этот раз я не могу сосредоточиться на общении с ними, пожалуй, впервые. Мой мозг атакован вопросами: откуда в людях столько агрессии? Что плохого я сделала лично им? Неужели им так дорога и важна догма «мать – это святое»? Настолько, что они готовы броситься в бой, пойти в крестовый поход против меня, совершенно чужого им человека? Или это все-таки яростные поклонники писательницы Щербаковой, для которых чудовищна сама мысль о том, что кто-то может не только не восхищаться их кумиром, но предъявлять ему столь серьезные претензии? Последнее предположение кажется мне нереальным, за гранью здравого смысла... Нет, не понимаю.

Но напрасно я так переживала и мучила себя. Очень скоро случился перелом. Прошло буквально дней десять после публикации книги, как вдруг я стала получать такие отклики, которые – не побоюсь быть пафосной – перевернули мое представление о большинстве, которое якобы живет в благополучных семьях.

Ю:

Катерина, спасибо, что нашли в себе мужество облечь в слова то, что мучает, отравляет и раздражает мозг и душу столь многим.

От всех обоженных, искалеченных, сломленных материнской нелюбовью спасибо.

А те, кому посчастливилось иметь нормальных мам (ведь это так нормально – любить своего ребенка, правда? Это не подвиг, не великое свершение, это просто норма, но не для всех, к сожалению), те, кому повезло жить, а не существовать, задыхаясь от страха каждое мгновение, они, наверное, никогда не поймут таких, как мы. Ведь тому, кто дышал с рождения, так сложно себе представить, что человек впервые смог вздохнуть по-настоящему лишь на третьем (четвертом-пятом) десятке, а то и никогда. Им невозможно себе это представить. Их счастье.

Спасибо вам от всех, кому ваша книга поможет задуматься, остановиться, сделать шаг, а может, и просто удержаться на краю, просто быть. Спасибо.

Вы потрясающе мужественный человек, ведь вы не только нашли в себе силы вскрыть этот нарыв, но и продолжаете общаться с читателями, не боясь нападков тех, кто никогда не поймет, кто приходит сюда только для того, чтобы облить грязью, на самом деле даже не дав себе труда прочесть, вдуматься, почувствовать... И вы, которой столько пришлось вынести,

не страшитесь снова и снова подставлять под удар свою истерзанную душу, израненные обнаженные нервы...

Поверьте, ваши собраты по несчастью могут в полной мере оценить и понять, какое огромное дело вы для них делаете. И поверьте мне, благодарных вам людей гораздо, гораздо больше, чем положительных комментариев, которые вы тут увидите. Потому что многие, возможно, и не решатся написать, но благодаря вам сумеют по-другому взглянуть на свое существование (видите, я не пишу «жизнь», и мы прекрасно знаем почему), а там, кто знает, может, и сделать хоть небольшой, но шаг к свободе. К жизни. Благодаря вам.

Алевтина (*имя изменено*):

Спасибо вам за ваш замечательный рассказ. Читала как о своей жизни. Все в точности до мелочей. Я глубоко вам сочувствую и понимаю вас. Сама все это прочувствовала. Живу теперь в США. Одно из моих счастья (если можно так сказать) – мой муж не говорит на русском, а мать на английском. Тем не менее она успела наговорить гадости моему мужу обо мне через электронный переводчик (конечно же гнуснейшую ложь). Теперь я совсем с ней не общаюсь. И, слава богу, мой сын больше с ней не общается, теперь у него нет стресса, и наши отношения наладились. Спасибо вам, вы помогли мне разобраться в моей жизни. Очень многое меня мучает до сих пор, точнее, главный вопрос – за что?

Вы должны были это напечатать, хотя бы для меня! Вы мне очень помогли! Я думала, что я одна такая, мне стыдно было признаться, что со мной так происходит. Своему мужу я так ничего и не рассказала про мать, мне стыдно. Если родная мать тебя не любит, то за что должны любить другие люди? Я искала ошибку в себе. Я до сих пор не могла поверить в то, что мать меня ненавидит ни за что. Я отлично училась, дома меня били за четверки, и я часто ходила с синяками. В 6-м классе я ушла из дома, но меня вернули, с тех пор не били, но у меня развился комплекс отличницы. Мои родители не были нищими или алкоголиками, тоже известная в свое время семья. Я до сих пор живу с этим комплексом.

И про обувь не слушайте никого. Вы правильно об этом написали, это очень важно, и это не о «шмотках». У меня в детстве были только одни туфли и всегда на размер меньше. Мне тоже было больно ходить, но при этом я боялась, что с ними что-то случится, в этом случае я не смогу пойти в школу (комплекс отличницы). Ненавидела и боялась за них. У меня развилось паническое отношение к обуви. Я до сих пор покупаю обувь на размер больше и ношу с собой запасную пару. Мне часто снятся сны, что я иду босиком по снегу в школу, люди настороженно оглядываются на меня, а мне очень холодно и я не знаю, как мне дальше жить. Так что обувь очень сильно может повлиять на психику.

Вы правильно сделали, что высказались. Я очень надеюсь, что это станет большой подмогой вам в вашем выздоровлении. Я тоже ходила к психотерапевту (очень хорошему), но даже ей я стеснялась рассказать всю правду о матери. Мне стыдно рассказывать такие вещи, что я, успешный человек, слышу от матери (которая в это время жила у меня и с моей помощью) слова «тварь», «сволочь», «проститутка». Даю ей денег – я тварь, потому что хочу оскорбить ее своими деньгами, подачками с барского плеча (это, например, оплата ее отдыха на море), не даю денег – я тварь, деньги лопатой гребу, а матери помочь не хочу. Про мой «красный» диплом в академии она злобно прошипела: «Ну что от тебя еще можно было ожидать!» Она ненавидит меня за то, что у нее рано умерли родители, за то, что у нее нет высшего образования, а у меня их два, за все мои успехи и даже за то, что я моложе.

Извините за длинное письмо. Я понимаю, что вам было необходимо это написать, еще раз повторюсь, хотя бы для меня... Здоровья вам и счастья!

Прочитав это письмо, я расплакалась. Вспомнились всякие трюизмы типа «Если ты смог помочь хотя бы одному человеку, то прожил жизнь не зря» и тому подобное. Неужели моя

работа смогла кому-то реально принести пользу? Неужели я помогла не только себе, но и еще одной или двум страдающим душам? Какое же это счастье!

Читатели, запомните Алевтину! Я расскажу вам ее историю, которая драматично продолжается по сей день. На мой взгляд, это готовый сценарий для интереснейшего кинофильма. В общем, продолжение следует...

Потом письма посыпались на меня, как из рога изобилия...

Г:

Огромное спасибо вам за очень откровенную книгу. Она помогла мне разобраться в себе. Моя мама очень во многом походила в поведении на вашу, но до депрессии, слава богу, не дошло. Рядом были всегда любящие бабушка и отец. Вот папе, на мой взгляд, эти конфликты жизнь укоротили. Да и мне судьбу, думаю, по причине той же гиперответственности перед всеми, слегка изменили. Наши мамы очень похожи, хотя моя простой работник. Я думаю, их винить не стоит, стоит винить время, в котором они жили. Думаю, они тоже очень сильно от этого страдают.

Еще раз огромное спасибо за книгу. Она помогла мне снова родиться.

И хотя я не согласилась с автором письма, что виновато время, а не матери, я с теплотой и огромной благодарностью восприняла этот отклик.

Вероника (имя изменено):

Огромное спасибо вам за книгу!

Читала и понимала... Читаю о себе. Мама – директор школы. Брат закончил медицинский институт. Только он не на восемь, как у вас, а на девять лет старше меня. И вместо отца у меня отчим, который регулярно насиловал меня с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. Говорить об этом маме я боялась до 12 лет. А когда сказала, то получила в ответ: «Ты же понимаешь, что я не могу эту историю никому рассказать. Я ведь член партии и директор школы. Если его посадят, то меня уволят с работы. Выгонят из партии. Ты терпи уж...» Жить не хотела. Домой каждый день шла с ощущением неопишуемого ужаса.

Те же двойные стандарты морали. Прекрасные, идейные доклады на партийных собраниях. И ненависть к власти и строю дома.

Помню ее презрение. Когда я, золотая медалистка, не поступила сразу после школы в институт. Поступала в Москве. Там, где уже учился мой брат. В день свадьбы моего брата меня посадили на поезд. Отправили назад, в тот провинциальный город, откуда я приехала в столицу, – им стыдно было показать меня новым родственникам, ведь у моей мамы не должно быть такой неудавшейся дочери, как я. Только прекрасный, подающий огромные надежды сын.

Но вопреки мнению мамы по поводу полной моей никчемности я поступила в медицинский институт и с отличием окончила его. За годы учебы мне из дома никто не прислал и копейки. Я училась и работала. Вся помощь предназначалась только старшему брату и его семье.

Прекрасно понимаю, нет, не понимаю, чувствую на животном уровне, описанный вами страх. Мне уже много лет. Никто из окружающих даже не догадывается, с каким страхом я вступаю в каждый новый день. Точно так же как и вас, меня смог частично адаптировать к этому миру мой муж. Он иностранец. У него прекрасные любящие родители. И ему неведом этот панический страх.

У вас с детства развилась вегетососудистая дистония, возможно, депрессия. А я от насилия спряталась за огромное количество лишних килограммов. Именно с восьми лет я начала катастрофически набирать вес. К 12 годам я весила 120 килограммов. Как еще маленький

ребенок мог защитить себя от психологического и физического насилия? Защитить себя сам? Вы точно заметили: «Жила-была девочка – сама виновата...»

Правда, сейчас я научилась справляться и с лишним весом, и с беспокойством, страхом. Но чего это мне стоило!

Десять лет я не общаюсь с мамой. Вернее, она не общается со мной. Когда родилась моя младшая дочь, она не смогла это пережить. Просто перестала мне писать и отвечать на телефонные звонки.

Огромное спасибо вам за то, что вы не лицемерили. За то, что от лица всех нас, таких похожих на вас, не испугались рассказать этому миру правду. За то, что разрушили миф о «святости» тех, кто до сих пор чувствует себя совершенно правым. Они уже вряд ли что-то поймут, эти «идеальные, непогрешимые» матери.

Главное, что, возможно, задумается какая-то другая мама, у которой сейчас растет ребенок. Узнает себя. Поймет весь ужас того, что она творит. И изменится. Я так хочу в это верить!

Я читала эту исповедь, сжавшись в болезненный комок. Все страхи нахлынули на меня снова: каждой клеточкой своего тела я чувствовала боль той маленькой Вероники, ее отчаяние и ужас. Бедная девочка! Бедная уже взрослая женщина, у которой и по сей день душа болит так, что хочется кричать! Ну, может быть, сейчас хоть немного полегчает, хотя бы потому, что теперь ей точно известно: она – не одинока и ее боль понятна кому-то еще. И это не стыдная боль. Стыдно должно быть тем, кто мучил девочку Веронику. А ее гнусный насильник должен гореть в адском пламени еще до собственной смерти.

Таких страшных историй будет поведано моими читателями еще немало, многие я включу в эту книгу, а эту главку, посвященную невидимым миру слезам, хочу завершить словами одного из авторов СИ – Марины Казанцевой. Читатели, запомните это имя.

Казанцева Марина:

Знаете, как дословно переводится библейская фраза «не поминай имя Бога всуе»? Она звучит так: «Не прилагай имени Бога к ничтожному». Это значит: не пытайся именем Божиим сделать свои внушения более весомыми, чтобы не быть лицемерным. Именно поэтому Иисус говорил: не многие становитесь учителями, ибо не многие являются таковыми. И про родительскую любовь: если попросит у тебя сын твой хлеб, не дашь же ты ему камень, а если попросит яйцо – не дашь ему змею. А хлеб имеет еще и другой смысл, не только единственно для живота – это учение, наставление, в том числе и родительское – то, в чем ребенок нуждается каждый день, а вовсе не в неугрызаемом и абсолютно непитательном камне.

Катерину потчевали в детстве камнями и давали ей змею вместо ясного смысла жизни. А сюда (*имеется в виду форум, посвященный моей книге. – Прим. автора*) набежали обвинители и с видом священного негодования стали закидывать автора такими же камнями – до кучи. А заодно и других таких, которые вдруг осознали, как их с родительской заботой топили всю жизнь – за то, что высунулись, за то, что осмелились самостоятельно высказываться. Логика обвинителей проста и на удивление жестока: раз ты в дерьме, так сиди и не высывайся, а если высунулся, то не чирикай. А с какой стати руководствоваться в жизни такой лживой моралью?

Поверьте, я потрясена! Я не думала, что наше общество полно такими изломанными судьбами! Чем больше читаю, тем более ужасаюсь. Я раньше думала, что плохие матери – это всякие пьянчуги, гуляки. А тут вполне благополучные, идейные садистки! Не те полуграмотные простухи, которые за работой и домашними заботами упускают детей, думая, что главное – накормить чем-то и одеть как-то, и которых потом взрослые сынки кулаками в нос благодарят! Нет – образованные, просвещенные, уважаемые в обществе! Я и понятия не имела о такой стороне жизни.

Вот, собственно, так и произошел главный перелом в моей жизни. Я почувствовала себя нужной. Я, сама того не подозревая и не ставя такой задачи, сумела своей работой помочь одному, двум, десяти – не знаю, скольким людям. Моя книга сорвала печать молчания с проблемы, о которой запрещено было говорить в нашем обществе. Не замай! Мать – это святое! Мать не может быть неправой... Ну, если только вдрызг напивается и забывает ребенка на морозе. Да и то: коли покается с пьяной слезой, ее надобно простить.

А уж если мать «благополучная»... Вообще не смей вклясть! Подумаешь, здоровье у тебя сломано! Подумаешь, вся жизнь с детства – под откос! Подумаешь, унижения и равнодушие с самого детства! Подумаешь, хотела с собой покончить – это вообще умора! Хотела – так кончала бы с собой, воздух был бы чище.

Я не преувеличиваю, именно так или примерно так мне писали наши «добрые» соотечественники. У них в мозгу прогнившей занозой сидит убеждение «мать – святое», и никакие аргументы, оспаривающие этот замшелый постулат, не то что не принимаются, а даже не рассматриваются. «Добряки» затыкают уши и изо всех сил визжат: «Сволочь!!!» Ну, понятное дело – болит не у них. А чужая боль и чужие страдания – они ж чужие, значит, их нет...

Или еще такие типовые аргументы: у меня тоже отношения с матерью трудные, но я же не писал плохого о ней. Ну, ты не писал, тебе это было не нужно, а мне – нужно. Что тут еще скажешь? Не понимают граждане этого типа, что отнюдь не всегда и не везде можно судить по себе, а за основу рассуждений брать исключительно собственный жизненный опыт. «Совки» продолжают жить в колхозе «Тупик коммунизма», где у всех его членов – единомыслие и единочувствие, где индивидуальность – бранное слово, а инакость чужой личности воспринимается как запредельное хамство. Нюансы разных психологических типов не учитываются – зачем? Все, как в армии, должно быть «параллельно и перпендикулярно», главное – единообразно. Их мышлением руководят вдолбленные глубоко в мозг клише: «Хлеб – всему голова», «Дети – цветы жизни», «Семья – ячейка общества», «Мать – святое»...

И наконец, еще одно широко бытующее заблуждение: депрессия – не болезнь, а дурь от лени и жира, такой болезни не существует, ее придумали богатые дамочки, чтобы на диване лежать. Как писала про меня уже знакомая вам «высоконравственная» Оля Тарасова, «маялась всю жизнь от безделья и депрессий». Господа врачи, где же вы со своими санпросветбюллетенями?! Не пора ли заняться хоть в XXI веке просвещением совершенно темного в этом смысле населения России? Мы, пожалуй, последняя страна в цивилизованном мире, где господствует эта мракобесная точка зрения. Интересно, сколько россиян гибнет от депрессии только лишь потому, что их не лечили? А не лечили, потому что окружающие люди, даже самые близкие, сживали их со свету своим презрением и равнодушием? Сколько уже есть жертв и сколько их еще должно быть, чтобы кто-то начал бить в набат и заниматься этой проблемой так же, как СПИДом или полиомиелитом? Я, кстати, не уверена, что по количеству жертв депрессия давным-давно не обогнала многие опасные инфекционные заболевания. Просто об этом стыдливо молчат... А стыдиться надо не депрессии, а позорного мракобесия. Или это у нас такая национальная особенность?

Марина

Марина Казанцева – один из авторов СИ, правда, очень способный и этим совсем не похожий на большинство других. Она удивительный, неординарный человек. Однако отношения с ней у нас складывались совсем непросто. Сначала Марина не приняла моей работы и высказалась довольно резко, хотя и абсолютно корректно.

Казанцева Марина:

Я почти дочитала до конца, но больше не могу. Один сплошной поток кошмара, никакого просвета. Просто потоп. Конечно, мамаша настоящий монстр, но и больной человек. Наверняка с талантливыми авторами так бывает. Вот, например, всемирно известный Р. Киплинг. Ведь в семейной жизни он был отвратительным эгоистом. Вдвоем с супругой они разыгрывали каждодневные спектакли на тему вечной любви. На самом деле – два помешанных на сексе идиота. Их дети были нелюбимыми и брошенными в настоящем смысле слова. Может, и тут имел место талант, граничащий с безумием. Поговаривают, что всякий талант есть исключение из нормы и несет в себе черты умопомешательства. Я надеюсь, автор изживет в себе эту болезненную зависимость от матери, потому что концовку я не читала. Желание отпало из-за слишком нагнетенного градуса ненависти.

Нет, я не приняла вашу работу, хотя сама женщина и мать. У меня тоже были проблемы с родителями и немалые, и многое из вашего детства, что вы описывали, один к одному можно отнести и ко мне. Только отношусь я к этому иначе. Видите ли, не хочу вас обидеть, но все же скажу: ваш далеко небесталанный и в то же время весьма односторонний роман отнюдь не так прост, как многим кажется.

Во-первых, вы вложили сюда очень сильный гипнотический посыл, сродни тому, что проделывала над вами ваша мама. Вы буквально втискиваете читателя в ваше видение проблемы. А оно, как видно из ваших ответов на комментарии, выглядит так: почему все априорно считают, что родителей осуждать нельзя?! А ведь никто этого и не заявлял, это вообще не правило жизни, разве что слишком однозначно понимаемая христианская заповедь. Во-вторых, вас отличает агрессивное неприятие чужого мнения: только так, только по-моему! А это очень напоминает манеру внушения вашей матери, осуждаемой вами как раз за это интеллектуальное рабство, из которого с таким трудом пытаетесь вырваться. Смотрите, что получается у вас: люди все злые, а «совки» особенно! Дочь ваша тоже повторяет это же: почему все люди такие злые? Отчего? От несогласия мнений. Вам здесь выражают эти мнения весьма осторожно, а вы тут же восклицаете: да включите же вы мыслительный аппарат! Причину вы видите в том, что люди просто не дочитали внимательно до конца книгу, а если бы прочитали, то однозначно приняли вашу точку зрения – опять же не факт. В чем состоит эта точка зрения: в утверждении, что плохих родителей осуждать можно. Но ведь вы воюете с ветряными мельницами – такое заявление в коммах не звучит, а звучит испуганное изумление по поводу ваших горячечных излияний. И тут уж поделать ничего нельзя: люди разные – разные судьбы, разные темпераменты, разный опыт, разные представления, разное понимание своих жизненных задач и представление о том, какие должны быть воспитательные методы. Ну, свойственно людям такое – надо принимать их во всем многообразии.

Вы же настолько замкнулись в вашем внутреннем мире, что смотрите вовне только через узкое и замаранное окошечко вашего прошлого и ваших неиссякаемых обид. Всякую читательскую попытку проанализировать и понять это неадекватное, что уж говорить, состояние вы воспринимаете как новую обиду, нанесенную жестокими и бесчувственными людьми, которые вдобавок невнимательно читают. Их право, между прочим. Раз вы выставили ваши обиды на всеобщее обозрение, приготовьтесь покинуть ваш замкнутый мирок и принять многополяр-

ность внешнего мира. Вы боретесь с матерью – ваше природное право защищать себя, свой внутренний мир, свою дочь, свою новую семью. Зачем вы так страстно пытаетесь внушить другим это свое право? Не уверены в нем? Кому-то что-то еще надо доказывать? Вся причина в том, что вы психологически никак не можете избавиться от влияния матери. Объездили весь мир и не можете защититься от больной старухи, сиднем сидящей в своем пыльном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.